

Е. А. КАШИНА

Свет во тьме

КНИГА ПЕРВАЯ.
МИР АБСОЛЮТА

Елена Кашина

**Свет во тьме. Книга
первая. Мир Абсолюта**

«Издательские решения»

Кашина Е. А.

Свет во тьме. Книга первая. Мир Абсолюта / Е. А. Кашина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960224-4

Мир людей разделился на два враждебных мироустройства: на Мир Абсолюта и Великий Восток. Главная героиня обеих книг, дочь одного из Властителей, из-за сложившихся жизненных обстоятельств последовательно попадает в несоприкасающиеся между собой касты Мира Абсолюта. В одной из них её похищают и продают на каторжный завод. Как складывается её дальнейшая судьба, можно будет узнать в книге «Великий Восток». Вторую часть книги «Свет во тьме» — «Великий Восток» — можно купить на странице автора.

ISBN 978-5-44-960224-4

© Кашина Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Обращение к читателю	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Часть вторая	33
Глава первая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Свет во тьме

Книга первая. Мир Абсолюта

Елена Александровна Кашина

*Посвящается памяти
Кашина Вячеслава Константиновича,
мужа и друга*

© Елена Александровна Кашина, 2018

ISBN 978-5-4496-0224-4 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-0225-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателю

Диалогия «Свет во тьме» была задумана и написана во времена «перестройки», когда целенаправленно разрушали наш дом – государство СССР, разворовывали и разбазаривали всё, что с невероятными трудностями народом было восстановлено и построено после гражданской и Великой Отечественной войн, с лица земли стирали социалистический уклад жизни.

Первая книга диалогии, антиутопия «Мир Абсолюта», – попытка заглянуть в будущее, понять, куда ведут происходящие «перестройка и реформы», что замыслено построить на руинах разрушенного. И чем дальше по времени мы уходим от начала «перестройки», тем очевидней становится, что, как это не прискорбно, – наша жизнь движется именно в направлении мироустройства, описанного в этом произведении.

Вторая книга диалогии – утопия «Великий Восток». В ней говорится о жизни людей в построенном на фундаменте традиционных религиозно-нравственных ценностей высоко-нравственном, социально справедливом обществе материального достатка для всех людей.

Жизнеустройства Мира Абсолюта и Великого Востока враждебны, несовместимы. Россия находится на перепутье. Но, как говорит один из героев книги, «всё взаимосвязано во времени и будущие поколения – безвинные заложники живущих ныне». «Боже правый, настави нас на путь истинный».

И когда Он снял седьмую
печать, сделалось безмолвие
на небе, как бы на полчаса.
(*Апокалипсис 8:1*)

Часть первая

Глава первая

Был поздний час. Давно стемнело. Доктор, директор школы «Луч Абсолюта» касты Э, собрался уже покинуть рабочий кабинет, но прозвучал сигнал вызова видеосвязи и на экране появилось растерянное лицо привратника. Привратник сообщил, что не назвавший себя мужчина привез маленькую девочку, без объяснений передал ее документы, и сразу же уехал. Это было очень необычно. По заведенному порядку, поступающих в школу детей – нарядных, веселых, с сияющими любопытством глазами, – взволнованные родители привозили утром, и с рук на руки передавали персоналу школы. Доктор распорядился увести девочку из привратничкой в корпус «Малышка», а ее документы поутру принести к нему.

С раннего утра весь следующий день он был занят в большом школьном хозяйстве, а когда в конце дня освободился, пришел в рабочий кабинет и увидел лежащую на рабочем столе папку, только тут вспомнил про девочку, привезенную накануне. Устало опустился в кресло за столом, отдыхая, немного посидел расслабленно, потом, не спеша, открыл почти пустую папку с солидным золотым тиснением «ДОЦМА» – Департамент Образования Центрального Сектора Мира Абсолюта. С голосником во всю страницу на него смотрело знакомое детское личико; девочка стала старше, изменилась, но, несомненно, это была Даша, дочь Профессора, в доме которого он гостил два года тому назад, когда участвовал в семинаре на Острове Высших. Встревожил вопрос: как она могла из касты Высших, попасть в элитную касту? В смятении быстрым шагом прошелся по кабинету. Потом бланк личной карточки девочки вставил в стоящий на отдельном столике проверочный аппарат служебных бланков. Бланк карточки не совпал с контрольным и об этом он обязан был незамедлительно сообщить в соответствующую инстанцию. Согласно «Закону о запрете неконтролируемого перемещения лиц», бланки документов в каждой касте Мира Абсолюта имели внешне незаметные отличия, что исключало возможность подделки. Не в состоянии собраться с мыслями, какое-то время, натываясь на мебель, растеряно вышагивал по кабинету. Наконец, овладел собой, по связи попросил старшего воспитателя корпуса «Малышка» позаботиться о новенькой, и предупредил дежурного администратора школы, что уезжает по неотложным делам.

Явился в свою городскую квартиру, запер входную дверь и отключил видеосвязь, но заниматься ничем не смог: в мозгу билась неотвязная мысль: что случилось? какая с Профессором и Марией произошла беда? как ему поступить? что будет с девочкой, если он сообщит о ней? что будет с ним, если не сообщит?

На другой день вернулся в школу и с головой окунулся в дела, всячески оттягивая принятие решения, но, осознавая, что все само собой не уладится, что срочно нужно на что-то решиться.

* * *

Старший воспитатель блока «Малышка» или, как все – и дети, и взрослые – называли ее «старшая мамочка» сокрушенно рассматривала сидящую перед ней на детском стульчике девочку, а та упорно не поднимала на нее глаз. Угрюмая, нелюдимая, даже на собственное имя не откликается; непричесанная, над ухом прядь волос сколота взрослой заколкой, неуместной на детской головке. И заколка-то эта не яркая и блестящая, по нынешней моде, а из какого-то матового металла. Со времени поступления девочки в школу никто не смог ее уговорить снять заколку и причесать волосы. Вот и сейчас, старшая мамочка, недоумевая и огорчаясь,

сидела, опустив руку с расческой на колени, а девочка глядела в пол, обеими руками прижимала заколку к голове и вот-вот готова была заплакать. Она и плакала-то не как другие дети – громко и требовательно, а молча и горько глотая слезы. Сердце доброй старшей мамочки этого не выдерживало. «Странная девочка... Уж, не из массовой ли она касты?» – недоумевала. Но это было возможно только в случае сверходаренности ребенка, а за несколько лет её службы в этой школе после окончания ВУЗа, в нее поступил только один такой мальчик.

Первые месяцы пребывания ребенка в школе были столь насыщены, а отработанные годами методы адаптации столь совершенны, что малыши легко и быстро привыкали к жизни в школе. Немалую роль здесь играло и то, что, за год до поступления ребенок вместе с родителями посещал школу во время праздников и специально организованных знакомств с будущими одноклассниками и учителями, и, когда приходила пора окончательно поселиться в ней, его встречали уже знакомые учителя, воспитатели и сверстники. Эту же девочку старшая мамочка припомнить не могла. Прошло уже несколько дней с появления ее здесь, но о ней словно забыли, хотя, более чем очевидно, что она нуждается в частичной блокировке памяти и подсознания. Нет, конечно, нет, она не критикует Вышестоящих, несомненно, все делается правильно, и ее дело, как и всех в Мире Абсолюта, строго выполнять ГПЖ – Главное Правило Жизни: «Точно, беспрекословно, не допуская сомнений и критики, выполнять все указания Вышестоящих». Просто столь необычный случай выбил ее из колеи. Мелькнула пугливая мысль: какое заключение выдал бы Эл-Мо, если бы сейчас ее подвергли проверке на лояльность? В элитной касте такие проверки проводили очень редко, выборочно, и только в неординарных случаях, но страх перед ними внедрился в подсознание людей, осуществлял самоконтроль за поведением, словами, мыслями.

Перепоручив так и непричесанную девочку молоденькой дежурной воспитательнице, старшая мамочка, по заведенному порядку, поспешила с обходом помещений корпуса. Утренний обход всегда доставлял ей удовлетворение: выполненные с большим вкусом интерьеры, масса игрушек, с вечера убранных в застекленные шкафы, удобная мебель, чудесные ковры и портьеры – все красивое, дорогое и в идеальном порядке. В растворенные окна с недалеких гор задувает утренний чистый, прохладный воздух.

Из спален доносились голоса: воспитатели будили малышей, поощряя разноцветными жетончиками тех, кто бодро вставал, быстро умывался, одевался и бежал в спортивный зал на зарядку. На завтрак обладатели жетонов получали сладкое, тем же, у кого жетона не было, сладкое не полагалось.

Обойдя все комнаты и закоулки, старшая мамочка отправилась на пульт ночного наблюдения за детьми, чтобы узнать как прошла ночь, как спали дети. Пульт представлял собой узкий вытянутый зал, одна стена которого экранами обзора спален была, как бы разливана в клетку. Если ребенок спал беспокойно, включался звонок и возле соответствующего экрана зажигалась лампочка. Об этом инспектор-наблюдатель сообщал дежурному воспитателю. Новенькая и в эту ночь металась, всхлипывала, и звонок звенел почти беспрестанно.

Старшая мамочка спускалась по лестнице в столовую, где дети уже заканчивали завтракать, когда запыхавшаяся нянечка, в поисках ее обежавшая весь корпус, сообщила, что вместе с новенькой девочкой её в свой кабинет вызывает Доктор.

Всякая встреча с Доктором приводила старшую мамочку в волнение. Вот и теперь она, слегка переполошившись, поспешила в столовую. Почти все дети уже поели, а девочка сидела за столом одна, сложив руки на коленях и понуро уставясь в наполненную тарелку. «Ничего не съела – огорчилась старшая мамочка. – И не причёсана. Хорошо, хоть одета опрятно».

Небольшой двухэтажный домик Доктора, директора школы, находился в глубине парка неподалеку от административного корпуса и здания гостиницы для приезжающих. С улицы невысокая каменная лестница вела в его холл-гардеробную со шкафами для верхней одежды.

Через высокую двухстворчатую дверь – вход в обставленную дорогой мебелью гостиную – просторную, светлую, с высокими овальными окнами по двум стенам и выходом на увитую диким виноградом широкую веранду. Другая дверь из холла вела в рабочий кабинет Доктора, с современной кабинетной аппаратурой. На первом этаже находилась и столовая, куда обеды из общей кухни доставлял робот-разносчик. На втором этаже были две спальни и библиотека – любимое место умственных занятий и отдыха Доктора – светлая комната со стеллажами книг, большим письменным столом и библиотечной аппаратурой.

Старшая мамочка, держа девочку за руку, вошла в холл, увидела приоткрытую дверь кабинета, и, оробев, остановилась. Поджидавший их Доктор с приветливой улыбкой широко распахнул перед ними дверь.

Усадил на диван, расспросил мамочку все ли дети в корпусе «Малышка» веселы и здоровы, а потом сказал:

– Коллега, скоро пять лет как вы трудитесь в нашей школе. Пора подумать, какое поощрение хотелось бы вам получить за безупречную службу. Пожелание обязательно будет учтено.

И заключил:

– А сейчас оставьте меня с маленькой озорницей. Я сообщу, когда за ней нужно будет прийти.

Возвращалась мамочка окрыленная: какое попросить поощрение ей думать не надо: навестить родную школу, родные места, близкую подругу – это такое счастье! После окончания института подруга получила направление в родную школу, где служила тоже в должности старшего воспитателя. За пять лет обе они поумнели, приобрели опыт и им есть о чем поговорить всласть, как бывало в юности. Общим не было дано разрешение на брак с правом на ребенка, и поэтому они решили посвятить свою жизнь чужим детям. Теперь у них много детей! Персоналу школы дети приносят заботы, огорчения, но и своей привязанностью, своими успехами огромные радости.. Доктор обязательно выхлопочет ей дополнительный отпуск и бесплатный проезд. Всем им в школе очень повезло, что у них такой директор – требовательный и строгий, но добрый и отзывчивый. Как он ее назвал? «Коллега!» Она обязательно об этом расскажет подруге. Так размышляла старшая мамочка по пустынному в это время утра школьному парку, неторопливо возвращаясь в корпус. Она не хотела себе признаться, что давно уже робко и безнадежно влюблена в Доктора.

* * *

Даша сидела на краешке дивана и, потупясь, теребила подол платья. Доктор походил по кабинету, рассматривая её: маленькая, сгорбленная, поникшая. Присел рядом.

– Здравствуй, Дашенька, – произнес ласково.

Она вся затрепетала. Подняла широко распахнутые глаза и смотрела с недетским страданием, вопросительно, с жаркой надеждой. Сел рядом, пересадил к себе на колени. Обхватив руками его голову, она зашептала в самое ухо:

– Это секрет... Мама велела забыть... Ты забыл, а потом снова вспомнил? Да?

– Я опять забыл. Совсем, совсем забыл. Как тебя зовут?

– Кэ-ти... – прошептала, запинаясь, и тихо заплакала.

Доктор укачивал ее на руках, она, уткнувшись лицом ему в грудь, тихонько всхлипывала; погладил по головке, но, когда коснулся заколки, она быстро отвела его руку. Наконец успокоилась и уснула. Он уложил ее на диван, рядом положил присланные фабрикой образцы игрушек, на которые следовало оформить заказ.

В тягостном раздумье походил по кабинету. Уселся за рабочий стол: ждали неотложные дела. Долго работал. В папке бумаг на подпись лежал список вновь поступивших воспитанни-

ков для оформления заявок на питание, одежду, книги, игрушки. Вопрос о Даше следовало решить безотлагательно. Потирая руками лицо, посидел, вглядываясь в спящую девочку. Вид ее и во сне был несчастным, она вздрагивала, морщила лобик. Решительно встал, вынул из проверочного аппарата контрольный бланк личной карточки, перенес в него данные из недействительной карточки, а карточку уничтожил. Посидел на диване рядом с тяжело спящей Дашей.

Даша проснулась, открыла глаза и рядом с собой увидела много красивых игрушек. Подумала, что она снова дома у мамы и папы, и больше не надо тихо сидеть между набитыми мешками, где очень хочется чихать и бегают живые мыши и крысы – такие страшные и противные, не то, что игрушечные. Обвела глазами комнату. Нет, это был не ее дом. За столом сидел добрый дядя, который знает ее секрет – ее настоящее имя. Незаметно взяла лежащего рядом большого мишку, прижала к себе, и, притворяясь спящей, сквозь подрагивающие ресницы, пристально наблюдала за Доктором.

Приближалось время обеда. Заметив с напряжением зажмуренные глаза и прижатого к груди мишку, Доктор улыбнулся:

– Мишка, кто спит рядом с тобой? Как зовут эту девочку? Кэти?

– Да..., – лукаво приоткрыла глаза.

Он умыл ее, уговорил причесаться, и опять собрал волосы заколкой.

Робот доставил обед. Они вместе накрыли на стол, сели напротив друг друга и Даша, подражая ему, съела все, что было на тарелках. Ей так хотелось понравиться...

– Я сама, я сама! – воскликнула, отнимая у него пустую тарелку, когда стал убирать со стола.

Доктору нужно было отлучиться по делам.

– Ты не побоишься остаться одна, если я ненадолго уйду?

– А здесь есть мыши? – спросила доверчиво.

– Здесь только ты, я и игрушки, а больше никого нет.

«Наверное, мыши только там, где мешки» – сообразила, но, на всякий случай, на диван забралась с ногами.

Перед ужином пришла старшая мамочка, чтобы увести Дашу в корпус. Но, увидев ее, Даша так побледнела, с таким отчаянием глядела на них, что было решено, временно, оставить ее у Доктора, а старшая мамочка должна будет утром уводить ее и постепенно приучать к жизни среди детей.

Доктор мог распорядиться о применении искусственной адаптации, и девочка уже не тосковала бы, не страдала, она совсем забыла бы Марию, Профессора и Инженера, они не являлись бы к ней во сне, но он не хотел этого. К искусственной адаптации Доктор относился очень недоверчиво, и, если воспитатели обращались к нему с просьбой применить ее к трудному ребенку, всегда отказывал, требуя к душе воспитанника находить подход. В других же школах искусственную адаптацию применяли без разбору.

Доктор лег поздно, но спал недолго. Проснулся оттого, что затекла рука: прижавшись, и обхватив обеими руками его руку, рядом спала перебравшаяся к нему Даша. Хотел высвободить, в ответ Даша еще крепче прижалась к нему. Не сомкнув больше глаз, остаток ночи обдумывал создавшееся положение, искал из него выход.

Для старшей мамочки наступили счастливые дни: она каждый день общалась с Доктором. Сразу после того, как Доктор и Даша отзавтракают, она уводила ее с собой и вновь приводила к обеду. Доктор предложил и ей обедать вместе с ними, но от смущения и волнения она отказалась. После дневного сна она опять забирала Дашу, а вечером приводила, играла с ней. Как-то они на веранде на кибере играли в «преодолей препятствие». Услышав азартные споры, к ним вышел Доктор:

– А меня в игру примете?

Все трое играли с воодушевлением и старанием, но победила все же старшая мамочка; у нее был большой опыт по части детских игр. Потом они все вместе ели яблоки, и ей, как победителю, Доктор вручил самое большое и красивое. Было так просто, так чудесно

* * *

Все разрешилось неожиданным образом. На видеосвязь с Доктором вышел старый полузабытый друг. С ним они росли в одной школе, потом учились в университете на одном курсе, но на разных факультетах, немного дружили, и вот уже лет пять не виделись. Поговаривали, что тот занимает какой-то важный пост в организации, общения с которой все стараются избегать. Друг сказал, что только сегодня вернулся из поездки в Южный сектор, наконец-то привез обещанную ему книгу, и пусть он встречает его, он сейчас вылетает. Доктор недоумевал: не мог вспомнить, когда он просил достать ему какую-то книгу.

Через полчаса они встретились на школьной аэролётной площадке. Друг сразу сказал, что прилетел ненадолго, только передать книгу и взглянуть, как он тут устроился, ведь до этого навестить его в школе он так и не удосужился.

– Стареем, стареем. Друзей забываем, а это негоже, – бодро говорил он и пытливо всматривался в лицо Доктора.

Солнце скрылось за тучу, накрапывал дождь. По горбату мостику перешли речку; на её берегу, не обращая внимания на начинающийся дождь, мальчишки ударили рыбу; по березовой аллее вышли к школьным корпусам, прошли просторную площадь и свернули на неширокую мощеную дорожку к домику Доктора. Друг внимательно поглядывал по сторонам.

– А у тебя тут неплохо... В следующий раз покажешь свое хозяйство. А сейчас некогда. Сегодня же опять улетаю.

«Будет ли следующий раз?»... – подумал Доктору.

Одобрительно осматривая, гость прошелся по комнатам домика.

Из холодильника на низкий столик в гостиной Доктор выставил бутылку старого вина и вазу с фруктами. Устроились в креслах. Выпили за дружбу, за будущие встречи. Доктор был удручен и разговор не клеился.

– Да! Вот тебе книга! – произнес, наконец, гость, доставая из кейса книгу. – Ну, мне пора, – заторопился.

– Побыл бы... дождь усиливается. – Доктор, наконец, решился довериться старинному другу, рассказать ему в какое трудное положение он попал. Но тот уже встал, взял в руки кейс и зонт.

Расставались на аэроплощадке под проливным дождем. Доктор опять нерешительно попросил:

– Дождь надолго. Что за нужда тебя гонит? Остался бы...

– А!..., – беспечно махнул тот рукой, – и не в такую погоду приходилось летать – И, поднимаясь в аэролет, значительно напомнил: – книгу посмотри сегодня же. А со мной на связь не выходи, – предупредил.

Вернувшись в дом, Доктор взял в руки книгу, прочитал название, раскрыл – за титульным листом лежал незаполненный бланк личной карточки ребенка, поступающего в школу. Всё, что в эти дни копились в его душе, что он подавлял, скрывал от окружающих, навалилось на него разом. Не выпуская из рук такой необходимый спасительный бланк, в волнении он вышагивал по кабинету. Наконец, бережно положил бланк в папку, где хранились контрольные бланки, и, чтобы успокоиться, решил принять холодный душ.

Спустя несколько дней к Доктору явились трое тихих, неприметных субъекта. Они потребовали ключи от кабинетов, сейфов, шкафов и попросили им не мешать. Через три дня, они, извинившись, ушли.

Глава вторая

Не прошло и трех месяцев, как маленькая Даша, позабыв невзгоды, прижилась в школе и привыкла к новому имени – Катя. Так первой стала звать её старшая мамочка, которая была уроженкой Восточного сектора. Скучать было некогда. Первому подготовительному году обучения Доктор придавал особое значение: за этот год нужно было приучить ребёнка к самостоятельности, чистоплотности, аккуратности, научить бесконфликтному общению и доброму отношению к другим, приучить к дисциплине, выработать умение сосредоточиться.

Корпуса для девочек и мальчиков находились в противоположных сторонах парка, и каждый имел собственное название: «Малышка», «Веселый», «Айсберг» и т. д. Они имели секционную планировку: три небольшие спальни на две-три кровати соединялись большой комнатой для игр и занятий; из комнаты игр – выход в небольшой коридор, откуда через одну дверь вход в санитарный отсек с туалетами, умывальниками и душевыми кабинками, а через другую – выход в общий коридор. В каждой секции свой воспитатель-педагог, за двумя секциями закреплена нянечка и роботы-уборщики, всегда исправные – за этим следили мастера-ремонтники, в бригаду которых входили и старшекласники.

Детей селили вместе по компьютерной рекомендации, но и, учитывая их желание, а чтобы шире был круг общения, вместе селили ребят из разных классов. Убранство комнат было простым, строгим, но не допускалось ничего поломанного. Дети были одеты опрятно и красиво. Кроме школьной формы, каждый ученик имел обширный гардероб одежды домашней, спальной, для прогулок в разную погоду, для занятий различными видами спорта – всё яркое, разнообразное и выбранное самим ребёнком по своему вкусу.

С первых дней пребывания в школе детей приучали застилать кровать, не разбрасывать личные вещи, игрушки, книги – всему было отведено своё место. Вернувшись с прогулки, нужно было протереть обувь и поставить в гардеробе в свой шкафчик, туда же на плечиках повесить верхнюю одежду.

Самым трудным для Кати было перед сном, раздеться, повесить платье в шкафчик, расправить чулки или носки и аккуратно положить их на стульчик возле кровати, на его спинку повесить расправленные трусики и майку, надеть и застегнуть на все пуговицы пижаму, поставить рядышком возле кровати тапочки и только тогда лечь в постель. Она же, зевая, быстро сбрасывала платье, небрежно вешала его на плечики, с которых оно тут же спадало, совала комочки носков в шкаф, кучкой бросала на стул трусы с майкой, кое-как натягивала пижаму, на ходу сбрасывала тапочки, прыгала в кровать и тут же засыпала. Через полчаса, проверяющая как уснули дети нянечка, будила её. Качаясь со сна, и с полузакрытыми глазами она приводила свои вещи в порядок. Так продолжалось до тех пор, пока не приучилась раздеваться аккуратно.

С первого класса детей начинали приучать к работам в школьном хозяйстве: раздавать корм животным, собирать фрукты и овощи.

У малышей уроки природознания проходили в школьном парке. В обширном парке мальчики и девочки под присмотром педагогов и воспитателей вместе бегали, кувыркались, ползали по траве – играли и одновременно обучались. И к концу первого года обучения дети уже знали названия произрастающих там деревьев, кустов, трав, цветов, населяющих его жучков, паучков, бабочек, кузнечиков, лягушек, рыб в пруду и в реке – всего, что там ползало, прыгало, летало и плавало. Могли составить их словесные портреты, рассказать какую они приносят пользу.

Дети имели и свободное время. Часа за два до сна они занимались тем, чем хотелось: одни играли в дочки-матери, другие сосредоточенно рисовали, читали книжки или рассматривали картинки, а иные просто бездельничали. Перед сном им рассказывали сказки или пока-

зывали фильм с добрым концом.хлопот с малышами было много, но уже к концу первого года обучения все они были опрятны, подтянуты, вежливы, веселы, смышлѐны.

Первые полгода вновь поступивших детей домой не отпускали. Через месяц пребывания в школе и Кате запретили навещать Доктора. А ей так хотелось увидеть его: вдруг он уехал куда-нибудь насовсем, и у неё нет ни папы, ни мамы, ни Доктора?.. Это очень её тревожило. Однажды Доктор в окно кабинета увидел её, бегущую во всю прыть. Она обежала дом, на ступеньках входа в веранду разулась и в одних чулках на цыпочках пошла вдоль стены, заглядывая в окна. Увидела его, присела, крадучись спустилась с веранды, обулась и припустила обратно. «Убежала без спроса, – догадался, – нужно наказать старшей мамочке, чтобы больше уделяла ей внимания».

Иногда во сне к Кате приходили мама или папа. Проснувшись, она ничего не помнила, но была угрюма. Чуткая старшая мамочка в такие дни относилась к ней особенно ласково и прощала все её капризы.

* * *

Доктор любил свою школу, своё детище, как он считал, по праву. Он любил рано поутру, когда все ещё только просыпаются, пройтись по парку, в этот час тихому, свежему, прохладному, напоѐнному запахами зелени, когда деревья, кусты, трава, цветы на клумбах сверкают каплями росы, а потом, во всё вникая, не упуская из внимания даже мелочей, неспешно обойти школьное хозяйство. Персонал ждал его утреннего обхода и волновался; в его присутствии все подтягивались. Замечания он делал спокойным, вежливым, но чуть холодным тоном, однако, это заставляло подчиняться беспрекословно.

Ему доставляло радость видеть, как с муравьиным старанием малыши строят домики из кубиков и брусочков, как с криками носятся по парку, играя в войну между «нашими» – абсами и «врагами» – китайцами и русскими, ил и разыскивают клад – спрятанные воспитателем сладости; слышать доносящиеся со стадиона крики и звуки ударов по мячу; нравилось пройтись по школьным коридорам, в то время, когда в огромных зданиях тишина нарушается лишь только еле слышными звуками голосов из-за закрытых классных дверей.

Находясь среди детей, он внимательно всматривался в их лица и не уставал повторять персоналу, что среди детей не должно быть обижаемых неприкаянных сирот, ведь дети, подчас, бывают жестоки, что школа для каждого должна остаться светлым воспоминанием, дающим утешение в жизненных невзгодах, что именно слабым детям нужно уделять внимание в первую очередь.

Он любил свои бесконечные хлопоты о том, чтобы дети питались исключительно натуральными продуктами, чтобы все были обуты, одеты, никто не обойдѐн заботой. Не забывал, не обходил вниманием и персонал – сложившийся дружный, преданный школе коллектив; старался, чтобы в школе всем было тепло и уютно.

Официально именовавшаяся «Луч Абсолюта» школа представляла собой городок, просторно раскинувшийся между пологими, поросшими лесом холмами у края широкой долины предгорья. Особую живописность местности придавали возвышающиеся вдаль снежно-белые вершины гор. Территорию школы пересекала, протекающая по долине быстрая горная речка.

В школе «Луч Абсолюта» обучались дети жителей нового города касты Э – НГЭ-2, расположенного за холмом в пяти километрах от неё. НГЭ-2 являлся городом-спутником старинного города, уже давно превращѐнного в мѐртвый город-музей. В НГЭ-2 жили работающие в городе-музее искусствоведы, научные сотрудники, художники. В городе находились Школа Искусств с факультетами углубленного изучения культур, искусств и ремѐсел эпохи Заблуждений и эпохи Абсолюта и очень престижная консерватория.

Из города НГЭ-2 к школе вела дорога, по которой курсировали обслуживающие её грузовые электробусы и несколько раз в день общественный пассажирский электробус. Огибая территорию школы и по мосту пересекая речку, дорога заканчивалась у хозяйственных построек школы. Пассажиры доезжали до красивых кованых ворот с боковой калиткой, сразу за которой находился домик привратника.

От ворот начиналась просторная площадь, усаженная кустами роз, и с возвышающейся в её центре скульптурой – мальчик и девочка в высоко поднятых руках держат шестиконечную Звезду Абсолюта. На противоположном воротам краю площади – большое светлое двухэтажное здание с высокими стрельчатыми окнами и колоннами на входе – здание Дворца Муз. На первом этаже, в левом крыле его, размещался Зал Почёта, где были вывешены портреты выпускников, прославивших школу, а среди них – учёные, художники, композиторы, общественные деятели, и под стеклом хранилась большая красная книга с золотым тиснением – книга Почёта с внесенными в нее именами лучших учеников каждого выпуска. Зал Почёта не был пустующим, редко посещаемым. В этом зале выставляли образцы или макеты последних достижений в области техники и науки. На отдельном стенде стояли признанные лучшими, получившие премию Абсолюта литературные произведения, восхваляющие мудрость Высших, прославляющие достижения Мира Абсолюта. Их изучали, по ним писали сочинения.

На втором этаже над Залом Почёта находилась картинная галерея из двух залов: зала классики, где выставляли прекрасно выполненные копии самых известных картин и скульптур, как эпохи Абсолюта, так и эпохи Заблуждений, и зала произведений отражающих художественные новации современности.

Правое крыло второго этажа занимал театр, уступающий только размерами, но не роскошью убранства, театрам городов элитного слоя: нежно-голубая ворсистая обивка кресел; ворсистое сине-золотое покрытие полов; сотканный по рисунку известного художника тяжёлый золотой парчи занавес, в виде палубы корабля, заполненной пассажирами, театральными персонажами – сражающимися на шпагах, пляшущими, хохочущими, лукаво подмигивающими – смешными и весёлыми. Украшением театра служила позолоченная люстра в виде шестиконечной звезды с множеством хрустальных подвесок.

Широкая беломраморная лестница соединяла просторные холлы первого и второго этажей. В холлах высокие овальные окна, и массивные инкрустированные позолоченным металлом двери, ведущие в Зал Почёта – на первом этаже, в картинную галерею и театр – на втором. В правом крыле первого этажа – всевозможные студии.

В стороне от Дворца муз, в глубине школьного парка, поодаль друг от друга, находились три небольших здания: одноэтажное административное, двухэтажное – поликлиники, прекрасно оснащённое новейшим медицинским оборудованием, и домик Доктора. А в другой стороне парка, на его окраине, на берегу реки в большом доме с высокими ступенями, ведущими к входу, и с просторными светлыми холлами и балконами в небольших уютных квартирах проживали школьные учителя и воспитатели.

Два многоэтажных здания учебных корпусов стояли на просторной площади и видны были издалека. Оснащенные самыми современными оборудованием и приборами светлые просторные классы и аудитории; отделанные просто, строго, красиво актовый зал, рекреации, лестницы, эскалаторы, лифты. Между двумя нечётными этажами – любимое место ребят, особенно зимой – соединяющие учебные корпуса оранжереи высотой в два этажа с произрастающими там тропическими растениями и небольшими водоёмчиками, в которых плавали экзотические рыбки, с птицами в клетках и летающими свободно, с ящерицами, черепашками. На последнем этаже одного из корпусов отражали солнце высокие стеклянные стены изостудии, полной света, с широким обзором окрестностей.

Площадь со стоящими на ней школьными корпусами соединяла воедино весь школьный комплекс, к ней сходились аллеи: платановая от Дворца Муз, липовая от женских спальных

корпусов, каштановая от мужских спальных корпусов, берёзовая от спортивного комплекса. В пору цветения воздух в парке был напоён ароматами: нежным лип, дурманяще-сладким сирени и акации, благоуханием роз и жасмина.

В учебные корпуса из спальных можно было попасть не только, пройдя по аллеям, но и передвигаясь по подземным движущимся дорожкам в виртуальном пространстве. Без преувеличения, можно сказать, что это было царство фантазии: движущаяся дорожка со стоящими на ней ребятами въезжала то в залитый причудливым светом грот, то в пасть зверю, то в пространство звездолёта или среди извивающихся водорослей скользила по дну моря – всё это придумывали и воплощали сами дети под руководством взрослых.

На берегу реки, на территории школы зажатой в каменные берега, размещался спортивный комплекс: плавательный бассейн, стадион, теннисный корт, дорожки – спортивные, для велосипедистов, для верховой езды.

Через реку был перекинут горбатый мостик, а за ним, на другом берегу – взлётно-посадочная площадка с ангаром для аэролётов и гараж с электромобилями. Дальше раскинулись сады и огороды. Школа полностью обеспечивала себя ягодами, фруктами, овощами. В стороне от садов и огородов находились коровник, конюшня, птичник и сарай с кроликами в клетках. Большое, полностью механизированное хозяйство, обслуживали высококвалифицированные работники и во всём им помогали школьники.

В школах Мира Абсолюта обучение начиналось с пяти лет. Мальчики и девочки обучались в разных классах. Играли же, занимались спортом и работали – все вместе.

Обучение было факультативным, по двум резко отличающимся программам: детей со способностями к точным наукам обучали в технических классах, остальных – в классах гуманитарных. По одному и тому же предмету для разных учебных программ были разные учебники. Знания по профильным предметам давались фундаментальные, глубокие, обширные, а по предметам непрофильным обзорные, поверхностные. Считалось, что такое образование является наиболее продуктивным, дающим максимальную интеллектуальную отдачу, хотя и порождает односторонность развития и чувство превосходства между обучающимися по разным программам. Всем детям давали начальные знания по медицине. К тринадцати годам все ребята должны были уметь летать на аэролётах и водить электромобили. На учебной площадке стояли аэролёты и электромобили с экранами компьютерного обучения.

В школах элитной касты воспитывали сильных, уважающих себя личностей, назначение которых – создавать интеллектуальные ценности и управлять отраслями производств. В них прививался дух дисциплины, уверенности в своих силах, устремлённости к достижению личного успеха, а, главное, первоочередное – низкопоклонной преданности Высшим и избранности своей касты.

Персонал школ касты Э был только из числа жителей этого слоя; контакты детей элитной касты с людьми массовой касты были полностью исключены.

* * *

Пришла первая школьная осень, вначале яркая и нарядная, а потом начались дожди, дни стали серыми, короткими. Облетевшие деревья в парке стояли мокрые и грустные, над окрестными холмами висела дождевая завеса, вода в реке стала свинцовой. На мокрую землю падал и быстро таял снег.

Наконец, с гор подул холодный ветер, ударил мороз, небо заволокли тучи, полетели снежинки. Снегопад усиливался. К утру мороз разрисовал узорами окна, снег покрыл землю, деревья, крыши, белым пухом лёг на перилах и карнизах. Пришла зима.

Потом наступили долгожданные первые зимние каникулы и время встречи Нового года. Малышей родители увезли домой. Почти все дети постарше каникулы проводили в школе, а иные, погостив несколько дней дома, возвращались – в школе было интересней.

Первый день каникул начинался с праздника встречи ёлки из леса. Мальчики-старшеклассники тянули жребий, кому ехать за ёлками.

Устанавливали три ёлки: главную, самую большую – на площади перед входом в школьные корпуса, вторую – посередине катка, и третью – в холле Дворца Муз. К вечеру главная ёлка уже стояла наряженная. Нижние ветки елок игрушками не завешивали – здесь было место, куда малыши вешали игрушки, сделанные своими руками.

За час до наступления Нового года дети и персонал школы собрались вокруг ёлки на площади; пели, плясали, читали стихи, а Катя с подружкой, в шапочках с длинными заячьими ушами, станцевали танец «зайчики». Малышам вручили призы за игрушки, висящие внизу ёлки. Было весело, всем бурно хлопали. Ровно в полночь ёлка вспыхнула, засверкала множеством огней, на вершине засиял большой золотистый шар, а выше его, как бы в воздухе, загорелась лучистая шестиконечная звезда.

Грянул школьный оркестр, все запели гимн Абсолюту. Потом кричали «Виват!», с прославляющими Мир Абсолюта песнями хороводами ходили вокруг елки, прыгали, смеялись, обнимались, шумели, веселились. Наконец, от усталости валящихся с ног малышей увели спать, а старшеклассники отправились во Дворец Муз на настоящий костюмированный новогодний бал.

На следующее утро в тумбочке возле каждой кровати лежали коньки – подарок от Абсолюта.

К окончанию зимних каникул был приурочен особо торжественный государственный праздник – День Законопослушного Свободного Гражданина Мира Абсолюта, День ЗСГА. В этот день всем ребятам, кому в истекшем году исполнилось одиннадцать лет, присваивали звание ЗСГА и все данные о них вносили в Общемировой электронный мозг – Эл-Мо, а виновникам торжества на тыльную сторону кисти правой руки наносили невидимый в обычном свете, но видимый в красном, персональный номер, присвоенный Эл-Мо. Нарядных, торжественных и взволнованных, их поздравляли родители и персонал школы, им дарили подарки, в их честь во Дворце Муз устраивали концерт, и на ужин подавали пирожное.

Завершил каникулы праздник «День сладкоежки». Старшеклассники под руководством поваров ещё накануне начинали стряпать и печь всевозможные вкусные блюда. А утром на сладкое всем подали по большому куску торта. Главное пиршество наступило в обед. Младшие дети – нарядные, в ярких фартуках, с большими бантами на головах, вежливые и взволнованные доверием, разносили сладости по столам – всем, сколько хочется. Хотя все просили добавки, осталось и на ужин. После ужина повара и помогавшие им старшеклассники выходили, спрашивали: «вкусно ли, понравилось ли?». Все дружно кричали: «Вкусно, очень вкусно!»

В каникулы Катя часто навещала Доктора. Когда вечером он замечал, что пора ей уже и спать отправляться, она так неохотно и медленно начинала одеваться, что он говорил:

– Сбегай, отпросись у старшей мамочки и, если она позволит, возвращайся.

Она торопливо одевалась и стремглав пускалась бежать. Возвращалась запыхавшаяся, радостная. Раздевалась, пристраивалась рядом с ним, играла с игрушками, или ходила следом, как котёнок. Перед сном он читал ей сказку. Дети, как и животные, обладают даром чувствовать суть людей и всегда с готовностью признают, привязываются, подчиняются сильному хорошему человеку.

Старшую мамочку Катя любила, но могла капризничать, спорить с ней, обижаться на неё, сердиться, потом мириться, а та огорчалась, наказывала и прощала – любила и радовалась ей.

К Доктору же у Кати было совсем иное отношение: ему хотелось подражать, походить на него. У него были такие красивые руки – все в толстых жилках, по которым интересно водить пальцем, а если надавить, то они расплющиваются. На руках Кати, к её огорчению, жилок не было, и тогда она нарисовала их фломастером, но воспитательница велела пойти и хорошо отмыть руки. А ещё у него была чудесная лысина – гладкая и немного блестящая. Катя взяла ножницы и выстригла себе на макушке волосы. Правда, хорошая лысина не получилась, и волосы на макушке, отрастая, потом долго стояли торчком. Доктор же, когда ему пожаловалась старшая мамочка, узнав, почему она испортила себе косички, долго, но не обидно, смеялся так, что и Катя, и старшая мамочка тоже стали смеяться, хохотать до упаду.

По окончании подготовительного класса, перед тем как пойти в первый класс, дети проходили тестирование на выявление способностей и определение коэффициента интеллекта. Доктор был убеждён, что нет детей неударённых, что каждый ребёнок должен почувствовать свою уникальность, ценность хоть в малом, и главная задача воспитателей – выявить, подчеркнуть это ценное качество. Вчитываясь в Катину карточку с результатами тестирования, из которых следовало, что никакими ярко выраженными талантами она не наделена, если не считать хорошего музыкального слуха и гибкости тела, Доктор, обращаясь к рядом сидящей за столом старшей мамочке, сказал:

– А доброе, отзывчивое сердце – это разве не талант? Ну, что же, будет она у нас танцевать и петь.

Каждый учебный год заканчивался написанием сочинения на тему, прославляющую Мир Абсолюта. Когда наступил последний день учёбы в первом классе, после звонка в класс вошла учительница, подошла к учительскому столу и, стоя, не разрешив сесть и детям, с весёлой улыбкой сказала:

– Дорогие девочки, сегодня у вас торжественный день: вы в первый раз будете писать сочинение или, кто хочет, делать рисунки о нашей счастливой жизни в самом лучшем на свете Мире Абсолюта. В течение учебного года мы с вами много беседовали об этом, а теперь нужно, чтобы каждая из вас описала словами или нарисовала, как и за что она любит Абсолют и его мудрых помощников – Высших. Кто за сочинение получит высокую оценку, тому будет подарок, а лучшую работу вывешат в Зале Почёта.

Через час первоклассники ушли на репетицию хора: в школе все готовились к празднику в честь окончания учебного года. А ещё через час их вернули в классы, и учителя объявили им, что все они получили отличные оценки, и всем торжественно вручили по коробке конфет. Во второй половине дня Катя и её одноклассницы побежали в Зал Почёта читать лучшее сочинение первоклассника – сочинённый мальчиком из параллельного класса стишок, прославляющий Высших, Знакомясь с лучшими сочинениями, в Зале Почёта несколько дней толпились ребята всех классов.

* * *

В конце зимы Катя простудилась и заболела. С высокой температурой её положили в школьную больницу. Когда явился Доктор, ей уже сделали анализы, провели необходимые процедуры. Маленькая и беззащитная, она лежала одна во всей больнице. Дежурной медсестре он сказал, что, в случае надобности, вызовет её, и, завернув в одеяло, унёс её к себе. Ночью тревожно прислушивался к тяжёлому дыханию. К утру жар спал, но до конца болезни она находилась в его домике, под присмотром медсестры. После этого случая все уверились, что она его дочь, и строили догадки, придумывали романтические истории.

Как-то после дня встречи с родителями, когда все уже разъехались, Катя под села к отдыхающей после суматошного дня старшей мамочке, и между ними состоялся такой разговор:

– Ко всем приезжают папы и мамы... Доктор мой папа? Правда? Я тоже буду звать его папой...

– Звать его папой нельзя. – Почему?

– Потому, что он директор школы.

«Действительно, директора звать папой нельзя», – согласилась про себя.

* * *

Проходили дни и годы, заполненные учёбой, танцами, пением, играми, спортом и маленькими, но казавшимися такими серьёзными, переживаниями. Небо было бездонным и чистым, окружающий мир добр и загадочен. Катя росла, взрослела: вместо неугомонности появилась сдержанная порывистость, вместо глупого упрямства – милая строптивость, вместо непоседливости, когда всё время нужно куда-то бежать, она теперь часами сидела за книгой. Читала жадно, запоем, веря всему, что там написано: плакала и радовалась вместе с героями. Доктора немного беспокоило такое неумеренное чтение: будет ли от него польза?

Увлечение книгами в классе было всеобщим. Всем классом девочки играли в ими самими придуманную игру: цитировали отрывки из прочитанного, и нужно было быстро ответить по книге, а если не вспомнишь, – придумать ответ.

Ночью Катя проснулась от ноющей боли в животе. Утром не хотелось вставать. Недавно она прочитала книгу, в которой с героиней происходило всё в точности так, что случилось и с ней. Она не пошла на завтрак и долго валялась в кровати. Придумала жалостливую историю, как она будет несчастна, обесчещена, всеми покинута, но безвинна и горда. Стало очень жалко себя и ребёночка. Она всплакнула.

Подруги гостили у родителей. По привычке решать с ней все жизненные проблемы, поплелась в корпус «Малышка» к старшей мамочке, но та куда-то отлучилась. Немного подождала и отправилась к Доктору. Он был занят, но велел не уходить, подождать: скоро освободится, и они вместе пообедают.

Почти не ела, рассеянно водила ложкой по тарелке.

– Почему ты плохо ешь?

Глядя на него, произнесла отдельно и значительно:

– «Сэр, вы были плохим отцом. Не оставьте без попечения внука...»

«Из какой же это книги?» – подумал Доктор. Но нужно было отвечать: – «Что с вами, леди», – его забавляла эта игра.

– «Я скоро умру родами...» – продолжила трагически.

Посмотрел удивлённо – она не шутила, это не было игрой: лицо осунулось, под глазами тени, в глазах слёзы. Начал догадываться.

– Кажется, ты взрослеешь... Давай-ка позовём старшую мамочку, – и шутливо добавил: – Родится внук – что мы без нее будем с ним делать?

Катя смущенно хихикнула.

Старшая мамочка увела её к себе, а Доктор задумался: может быть, он не прав был, когда настоял, чтобы в его школе, в порядке эксперимента, отменили курс полового просвещения? «Нет, всё правильно», – заключил, вспомнив, как изменился нравственный климат в школе после того, как детям перестали внедрять вредные в их возрасте знания, как приходилось бороться с тем, на что сами же и подстрекали. А выводимый департаментом образования коэффициент продуктивности обучения – КПО, учитывающий число открытий, изобретений, и трудовые показатели выпускников, стал самым высоким из всех школ сектора. Нельзя подогревать интерес, подталкивать ребёнка к тайному и стыдному. А то, что нужно знать в тринна-

дцать лет, объяснит ей и старшая мамочка, да и психолог есть в школе. «Похоже, она решила, что так рождаются дети», – улыбнулся.

С департаментом образования у Доктора были непростые взаимоотношения. Ему предъявляли претензии, что он воспитывает в детях завышенные надежды на будущее, воспитывает мечтателей. Он же возражал: хорошему учить детей – никогда не бывает чрезмерно.

Глава третья

Снег в горах лежал круглый год, поэтому из всех видов спорта наибольшей популярностью среди жителей сектора пользовались зимние виды. Это было традиционное увлечение жителей города. Ещё в эпоху Заблуждений в этом секторе было положено начало горнолыжному спорту. Сотни километров лыжных трасс обслуживались множеством подъемников. Альпинизм, туризм, катание на беговых лыжах, катание верхом на лошадях по специально освещённым вечерами трассам, катание под парусом на льду; полёты над горами на планере и воздушном шаре, облёт узких ущелий на аэролёте – всем этим грезилы дети школы «Луч Абсолюта». В соревнованиях между школами касты Э по слалому, фристайлу и лыжным гонкам, старшеклассники этой школы неизменно завоёвывали призы.

Близкие горы манили, притягивали. Школьники младших классов ходили в недалёкие походы под руководством воспитателей, дети старше под руководством инструкторов отправлялись по сложным маршрутам. Катя, как и все её сверстники, любила с рюкзаком за плечами, шагать среди вековых дубов, буков, сосен; среди валунов и камней подниматься всё выше к заснеженным куполам и пикам гор; любила привалы на берегу пенистой, бьющейся о камни бурной речки, шумящей так, что приходилось не говорить, а кричать; потом идти дальше, и где-нибудь на берегу небольшого озера, останавливаться, обедать и купаться в кристально-чистой воде; а вечером, возвратясь домой, с ощущением блаженной усталости, улечься спать.

Она стала почти взрослой: вытянулась, стала высокой, стройной; пышные русые волосы, широкая лёгкая, слегка танцующая походка и особенно большие чуть удлинённые серо-голубые светлые прозрачные глаза и их взгляд – приветливый, внимательный, немного строгий, делали её очень привлекательной. Заканчивала уже десятый класс. Училась хорошо – ровно и добросовестно; выступала в танцевальном ансамбле школы, пела в хоре – у неё был небольшой, но приятного тембра хорошо поставленный меццо-сопрано.

С годами увлечение туризмом только усиливалось, Катя с нетерпением ждала каникул – времени походов. Маршруты становились всё более сложными. За множество походов у них сложился небольшой, но сплочённый отряд. Однажды, находясь на маршруте, они попали в спускающийся с гор туман. Туман плыл, клубился, всё более густел, в его молочной пелене вязли, тонули звуки и свет. Похолодало. Быстро отсырела одежда, стали скользкими трава и камни. Инструктор собрал отряд, сказал, что, пока ещё что-то видно, поведёт их в хижину альпинистов, расположенную неподалёку, и там они переждут туман. Приказал держаться всем вместе, не отставать.

Небольшой бревенчатый сруб спрятался под отвесной скалой. Перед ним расчищенная площадка с навесом. В хижине за столом сидели трое, ещё один растапливал камин. На широкой полке у стены свалено альпинистское снаряжение. Это был отряд альпинистов, идущий на восхождение; туман и их загнал в хижину. Когда отряд туристов ввалился в дом, сразу стало тесно и шумно, в тёплом помещении от сырой одежды пошло испарение. Катя стояла у двери, держа перед собой руки грязными ладонями вверх: поднимаясь по мокрым каменным ступеням, она упала. Альпиниста, растапливающего камин, спросила:

– Где можно помыть руки?

– Пойдём, покажу.

Зашли за угол дома, где на стойке висел обыкновенный умывальник с носиком. Пока отмывалась, он стоял рядом.

– Слушай, а я тебя знаю – ты из десятого?

Катя тоже знала его. Он закончил одиннадцатый класс, перешёл в выпускной; его знала вся школа – постоянный отличник, постоянный победитель всяких соревнований, аэролётчик, альпинист, уже ходит в связке с опытными взрослыми альпинистами. Многие девочки тайно вздыхали по нем.

– Пойдём, дам полотенце, – предложил, увидев как она вытирает руки мокрым носовым платком.

Катя устроилась возле камина и никак не могла согреться, её чуть знобило, от огня лицо покраснелось, она чихала. Георг, так звали парня, укоризненно, как ей показалось, произнес:

– Чего расчихалась? – и принялся подкладывать дрова в камин.

Пили чай, пели песни. Георг пел, и то и дело поглядывал на Катю. «Смотрит, потому что у меня нос красный!» – думала она и смущалась.

Часа через три туман стал редеть, рассеиваться и вскоре только в ветвях и среди камней оставался студенистой бесформенной мглой. Туристы ушли дальше по маршруту. Альпинисты остались в хижине ждать от метеорологов разрешение на восхождение.

С того дня Катя стала часто сталкиваться с Георгом то во Дворце Муз после репетиции, то на стадионе, то в библиотеке. Она краснела, робела, делала вид, что не замечает его. Ей казалось, что Георг совсем не такой как все. Она помнила каждую мимолётную встречу с ним, вспоминала, как он посмотрел, что сказал – всё казалось значительным, полным тайного смысла. Сердце замирало. А спустя какое-то время она уже думала, что он на неё и не смотрел вовсе и вообще шёл себе по своим делам. «Ну и пусть», – думала она, и делалось просто и спокойно, как раньше.

Потом Георг исчез. Она звала подружек пройтись по территории школы, но его нигде не было, а расспрашивать она стеснялась. В летние каникулы два раза в месяц старшеклассники устраивали вечера с концертами, викторинами, танцами. Отправляясь на вечер, она волновалась, прихорашивалась, но Георга и там каждый раз не оказывалось. Становилось скучно и неинтересно. Потанцевав немного с подружкой, и, отказывая приглашающим мальчикам, не дожидаясь окончания вечера и шла спать.

Всё лето она жила в сосредоточенном погруженном в себя мире, в мечтах о чём-то необыкновенном, в радостном ожидании чего-то неизведанного, яркого. А порой на неё напала такая неуверенность в себе, такой она ощущала себя глупой, неуклюжей, что становилась робкой, скованной. Тогда только книги способны были отвлечь, успокоить.

С подругой, занимающейся в художественной студии, они вечерами забирались на студийный подоконник и подолгу с высоты смотрели на огни города. Огни завораживали, томили душу, сладостно звали куда-то, пробуждали тревожное нетерпение.

Закончились каникулы. Наступил первый учебный день. На площади выстроилась вся школа. А поступивших в подготовительные классы, ещё только устраивались в спальных корпусах и вместе с родителями пришли посмотреть школьную линейку.

Школьный оркестр заиграл гимн, все запели – пением гимна Абсолюта начинался каждый школьный день. Потом Доктор поздравил ребят с новым учебным годом, похвалил за летние успехи в спорте и работе в школьном хозяйстве, а в заключение сказал:

– Наш ученик в соревнованиях по горному воздухоплаванию на аэролётах завоевал вторую золотую медаль. Он прославил нашу школу, давайте его поздравим. Георг, подойди ко мне.

Из строя своего класса вышел Георг, на его груди на ленте висела медаль. Доктор крепко, как равному, пожал ему руку. Оркестр опять заиграл гимн. Георг стоял рядом с Доктором – коренастый, мускулистый, загорелый – совсем уже взрослый мужчина. Оркестр закончил играть, все захлопали. А Катя восхищенно подумала: «Так вот где он находился всё лето – тренировался в горном лагере!»

Группа малышей, идущих в первый класс, звеня колокольчиками, цепочкой пробежала вдоль колонны учеников и устремилась в дверь школьного корпуса, следом за ними строем, поклассно зашагали все.

Начались школьные будни. Катя стала хуже учиться, на уроках сидела рассеянная, невнимательная. На переменах в коридоре, в спортзале – везде, где бы не находилась, глазами искала Георга. Он же при встрече терялся, краснел; а ей казалось, что он её не замечает.

* * *

Когда Георг увидел Катю в хижине альпинистов, она, продрогшая и чихающая, показалась ему такой незащищенной, что захотелось немедленно взять её под свою опеку, и он столько наложил дров в камин, что всем стало жарко. Открыли дверь, и она принялась чихать ещё больше. С той встречи он, не отдавая себе отчёта, находил повод находиться там, где могла быть она. Потом он уехал в горный лагерь, где усиленно тренируясь, жил совсем другими интересами, и забыл обо всём, не относящемся к спорту. Но когда вспоминал школу, сразу вспоминал её. В день возвращения, с друзьями направляясь на стадион, он увидел её, сидящую с двумя подружками на скамейке. Подружки весело болтали, а она задумчиво смотрела на струящийся фонтан, и казалась такой загадочной, что оробевший Георг прошёл мимо, не посмея даже поздороваться.

Раньше Георг редко ходил на вечера старшеклассников, он считал это пустой тратой времени. Другое дело спорт, учёба, книги и множество других полезных занятий. Когда друзья отправлялись учиться танцам, Георг брал книгу и усаживался читать: из-за вечной занятости он не успевал прочитать то, что полагалось по школьной программе. И вот теперь, готовясь к предстоящему вечеру, он наступал на ноги товарищам, пытавшимся обучить его танцам.

Георг и его друг сидели в первом ряду театрального балкона, откуда было хорошо видно всех находящихся в партере: сидели поклассно, девчонки с девчонками, мальчишки с мальчишками; сидели и посматривали друг на друга. Кати нигде не было. “ Будет выступать », – догадался.

Медленно погасла огромная шестиконечная люстра; затих гул в зале, пополз вверх занавес-корабль со всеми его персонажами.

Шёл концерт. Ученик девятого класса прочитал свои стихи, выражающие его любовь к Высшим – друзья похлопали ему; спели дуэтом девятиклассницы, похлопали посильней – понравилось; на сцену вышел записной шутник-острослов и рассмешил всех – хлопали громко, что есть мочи: свой одноклассник; выступили гибкие, грациозные гимнастки-восьмиклассницы – снисходительно хлопнули несколько раз. Наконец ведущая-десятиклассница, первая красавица школы, объявила:

– Выступает ансамбль пляски. Танец «Ручеёк».

Девочки в белых платьях с венками на головках под музыку плавно по одной выплывали из-за кулисы. В середине, мелко переступая ногами в белых туфельках, плыла Катя. Девочки кружились и их юбки раздувались колоколом, сходились, расходились, плавно поднимали руки с платочками. Георг, никого больше не замечая, не отрываясь, смотрел на Катю. Танец закончился, он бешено зааплодировал. Друг удивленно посмотрел на него и тоже захлопал.

Друзья стояли на первом этаже холла. Играла танцевальная музыка. По соединяющей два холла широкой мраморной лестнице спускались и поднимались нарядные старшеклассники, среди них Георг увидел Катю с подружками. Она сняла платье, в котором выступала, но высокая причёска осталась той, какая была в танце. Девочки пересекли огромный холл и остановились возле закрытой двери в Зал Почёта. Отражаясь в зеркалах, закружились первые пары.

– Пойдём, пригласим, – предложил друг.

– Иди, танцуй, – ответил Георг, остро сожалея, что не умеет танцевать.

В независимой позе, сцепив руки за спиной, он наблюдал за танцующими. Красиво откинув назад голову с замысловатой взрослой причёской, Катя танцевала и казалась такой недосягаемой, почти неземной. Танец закончился, партнёр вежливо отвёл её к подружкам и остановился неподалеку. Снова заиграла музыка, юноша во второй раз подошел к Кате. Она, скользнув взглядом по залу и поколебавшись, приняла приглашение. Они танцевали, а Георг глядел, не отрываясь. Партнер что-то говорил, она, улыбаясь, отвечала.

«Если ещё раз пригласит – намою шею», подумал Георг.

Георг, вдруг повернулся и ушёл. Кате сразу стало всё неинтересно, скучно. Юноша попросил разрешения проводить её до спального корпуса. Она надменно бросила:

– Нет.

Внезапное сильное чувство мешало учёбе. Решительный, уверенный в себе Георг робел и мучился. Он с малых лет был мальчиком независимым, смелым, добрым – таким уж родился. Учась ещё в пятом классе, он прочитал книгу об освоении Антарктиды и с тех пор мечтал о подвигах, о героическом. С возрастом мечты не угасли, он стал готовить себя к жизни, полной риска, к жизни суровой и благородной. Выбрал себе соответствующую профессию – космическая энергетика. Такой институт был в Северном секторе. По просьбе Георга Доктор списался с институтом, подал заявку на абитуриента и ему прислали вызов с оплаченным проездом и брошюрку «Требования к абитуриенту». Из нее стало ясно, что по физическим данным он вполне соответствует. Теперь главное – учёба. «С глупостями надо кончать», – решил он и углубился в учёбу. Запретив себе думать о Кате, стал избегать встреч с ней.

Пришла зима. На стадионе залили большой каток. Катя медленно скользила по льду. Мимо неё, заложив левую руку за спину и мерно отмахивая правой, пронёсся Георг. Она помчалась следом, обогнала, раскрошив коньком лёд, выбила перед ним длинную ямку и унеслась вперед. Георг споткнулся и бросился догонять. Перегнал, встал на пути, она на скорости врезалась в него и, чтобы не упасть, вцепилась в его свитер.

– Держись за меня! – крикнул он и понёсся вперед.

Она ухватила его сзади за талию, тут же к ней прицепился еще кто-то, цепочка всё удлиняясь, неслась по стадиону – ветер свистел в ушах.

Старшеклассники залили льдом отходящую от стадиона аллею, осветили её и катались там, уединившись от малышни, шумно снующей на стадионе. Георг увлёк Катю в аллею, и они медленно катились, взявшись за руки. К ледяной дорожке близко подступали стоящие среди сугробов голые деревья, дорожку тускло освещали разноцветные лампочки. Раздумываясь на морозе, Катя была необычайно хороша; к лицу ей были связанные старшей мамочкой красивые свитер и шапочка.

Остановилась, наклонилась, чтобы завязать шнурок на ботинке.

– Дай, я, – Георг опустил на одно колено.

Она смотрела растерянно. Он выпрямился, посмотрел с нежностью и ласково прикоснулся губами к её губам. Это был их первый поцелуй, робкий и трогательный.

Ночью не спалось. Она лежала с открытыми глазами, улыбалась, вспоминала вечер, их поцелуй. На соседних койках крепко спали две её подруги.

На следующий день, выходя из школы после уроков, в окно вестибюля она увидела стоящего перед входом Георга. Остановилась, поспешно открыла сумочку, чтобы пропустить подруг, стала копаться в ней, и вышла последней. Подошёл Георг; пошли в направлении стадиона.

– Что будешь делать?

– Пойду на репетицию, потом буду убирать в комнате – моя очередь. А ты?

– Буду учить. В девять часов приходи к мосту. Хорошо?

Согласно кивнула.

* * *

Зима в том году наступила рано, и была для этих мест на редкость суровой – морозы, обильные снегопады. Георг и Катя с нетерпением ждали наступления каникул, чтобы отправиться в горы. Георгу не терпелось познакомиться её со своими друзьями – альпинистами, показать всё то, что любила и чём жила его душа. Наконец пришла эта пора и Катя впервые одна – без учителей и воспитателей – покидала стены школы. Доктор тревожился:

– Смотри, Георг, отпускаю под твою ответственность. Чтобы сразу после встречи Нового года вернулись.

Они радостно улыбались, выслушивая наставления Доктора.

Экипировка у них была собрана заранее: шерстяное бельё, тёплые носки, варежки, спортивные костюмы, защитные очки, толстокожая обувь. Лыжи, палки, лыжные ботинки, кошки, ледорубы можно было взять напрокат в альпинистском приюте.

Загрузились в двухместный аэролёт, и через час уже были в горнолыжном комплексе. Аэролет загнали в ангар, а сами, взяв напрокат лыжи, на кресельном подъёмнике поднялись выше в горы и на лыжах направились к ярко освещённой солнцем горной вершине. Шли быстро и легко. Мороз пощипывал щёки; брови и ресницы закуржались инеем. Потом другим подъёмником поднялись на открытое, широкое ровное плато, где разместился еще один горнолыжный комплекс. Не задерживаясь здесь, опять встали на лыжи, и вскоре вдалеке возле выступающих из снежного покрова голых скал увидели домики лагеря альпинистов.

Навстречу им трусил большой сенбернар. Пёс с разбегу бросился на грудь Георга, норовя лизнуть в лицо, а тот, со смехом, отбивался. Подбежал к Кате, обнюхал, побежал следом за ними.

– Он всех встречает...

В лагере собрались люди пожилые, молодые, совсем юные, как Георг с Катей, и дети, которых родители с малых лет посвящали в братство альпинистов. Обстановка, какая возможна только среди увлечённых общим делом: простая, дружественная, братская, приветливая, весёлая. С первых минут Кате здесь стало просто и хорошо. Они ещё не успели устроиться – рюкзак унёс в мужской домик Георг, а Катя лишь успела найти комнату, где ей отвели койку – как гонг позвал на обед. Гурьбой повалили в столовый корпус; Георга окликали, здороваясь, хлопали по плечу и присматривались к держащей его за руку Кате.

Сразу после обеда, вместе с другими, на лыжах отправились к горному озеру. Катя никогда раньше не каталась на лодке под парусом по льду. Было странно, как это по тверди поедет лодка, но упругий ветер подхватил, надул парус и, управляемая умелой рукой Георга лодка, быстро заскользила по блестящему льду. Лодки разбегались, сталкивались, обгоняли друг друга.

Никогда ещё Кате не было так весело. Никогда еще она не была так счастлива. Каждая минута была полна впечатлений: катание на беговых лыжах по трассам, игра в волейбол. А поздним вечером под ярко сияющими в прозрачной выси звёздами, при свете луны, с любопытством взирающей на землю, они, с холодком в душе от страха, на санях неслись в пологое ущелье, оглашая окрестности гиканьем, криками, смехом.

В день встречи нового года устроили соревнования. Во время соревнований шум стоял невообразимый. Как и все, Катя болела неистово: кричала, прыгала, хлопала в ладоши. Георг был азартен, смел, неудержим, а главной наградой ему за победы был сияющий счастливый взгляд, когда он при всех передавал Кате завоёванный приз.

– Хорошую невесту выбрал, – одобрил тренер.

Его слова много значили для Георга.

На выровненной площадке стояла огромная ёлка, украшенная лишь предметами альпинистского снаряжения: верёвками, топориками, носками, варежками, шапочками, шарфами, защитными очками и частоколом ледорубов вокруг неё. Чуть поодаль поставили столы и скамейки. Столы накрывали все сообща: открывали, резали, жарили, откупоривали, сервировали. Шутки и смех не умолкали. В момент наступления Нового года всё небо над снежным пространством расцветилось тысячами разноцветных огней: на соседних горнолыжных комплексах устроили фейерверки. Всю ночь танцевали, пели, веселились.

На следующий день Катя и Георг попрощались со всеми, и уже к вечеру вернулись в школу. Собрались у Доктора, позвали и старшую мамочку. Катя радостная, покрасневшая суетилась, накрывая на стол, а Доктор, старшая мамочка и Георг, тем временем, азартно играли в карты. Потом долго сидели за столом и Катя, сияя глазами, подробно рассказывала, как они провели время в горах, то и дело, обращаясь к Георгу, чтобы тот подтвердил или дополнил её рассказ, и показывала завоёванные им призы. В тот вечер она так любила этих людей, любивших её... Когда, спустя несколько лет, она спросила старшую мамочку, какой в её жизни был самый счастливый день, та назвала этот день.

Катя окончательно перешла жить к Доктору. Вечерами они с Георгом уходили в их любимую аллею, уже покрытую снегом поверх льда, или забирались в занесённую снегом беседку и целовались, забывая обо всём. Время летело незаметно и, обнаружив, что уже поздно, она бегом мчалась домой: Доктор долго гулять запрещал.

Они мечтали о том, как будут всегда, всю жизнь, неразлучны: сначала Георг поступит в институт, а через год, закончив школу, в тот же город приедет и Катя и, если повезёт, поступит в консерваторию, не повезёт – в какой-нибудь гуманитарный институт. Впереди ждало большое счастье, интересная жизнь.

Георг любил Катю сдержанно, трепетно, всем сердцем, стремясь оберегать, защищать её, сам не зная от чего; ради неё ему хотелось совершить что-то героическое. А Катина любовь распространялась на всё вокруг, её хватало и на дорогую старшую мамочку со всеми её маленькими шалунами и проказниками, виснувшими на Кате, когда она приходила в корпус «Малышка», и на подруг, и на всю школу и, конечно же, на Доктора. О чем бы ни говорили они с Доктором, разговор сводила к Георгу, к их планам на будущее. Доктор часто с грустью думал, что недалеко время, когда она уедет, и далеко уедет... В воскресные дни приходил Георг и они вместе обедали по-семейному. Рядом с ними он испытывал ощущение энергии, молодости. Он видел, что чувство их серьёзно и радовался за них. Иногда думал: «Когда-нибудь и внука увижу...»

Днём пригревало солнце, капало с крыш, снег в парке уплотнился, напитался влагой. На месте катка стояли лужи. Теперь они уже не гуляли так долго, как бывало зимой. Георг занимался серьёзно: предстояло пройти большой конкурс при поступлении в институт. Он упорно старался объяснить Кате принципы и способы преобразования космической энергии в электричество, устройство накопителя энергии на Луне и приёмного – на земле, понятие о рассеянном и сфокусированном энергетическом луче. Поставив перед собой цель, он давно уже читал техническую литературу по космической энергетике. Ему было интересно рассуждать об этих предметах, а Кате было интересно всё, о чем бы ни говорил Георг. Он требовал и от неё упорной учёбы, однако, Катины познания в науках были поверхностны, ведь она училась в гуманитарном классе.

Глава четвертая

Среди ночи раздался вызов на видеосвязь. Не до конца проснувшийся, недоумевающий, – кто бы это мог быть? – Доктор нажал кнопку. На экране появилось встревоженное лицо Главного Администратора города. Он сообщил, что, при восхождении, в ущелье сорвалась группа альпинистов; ущелье узкое, опасное. Нужны опытные аэролётчики, и он просит направить Георга в отряд спасателей.

Доктор сам отправился будить Георга, и через полчаса тот уже выводил аэролет из ангара. Когда прилетел в горный лагерь альпинистов, там в полном составе уже собрались его товарищи по аэролётному спорту. Одни по картам и видеофильмам разбирали маршруты полётов, другие готовили к полёту небольшие юркие спортивные аэролёты. Лететь решено было в связке по двое. Ведущими были назначены старые опытные аэролётчики. Положение осложнялось тем, что в ущелье проходили сходы снежных лавин, и отряд альпинистов мог оказаться погребённым под снегом. Нужно было зафиксировать сигналы датчиков-определителей местонахождения, и закреплённых на теле каждого альпиниста датчиков дающих знать жив ли человек.

Вскоре всё было готово. Дождались рассвета. Ведущим у Георга стал его тренер, старый асс горного воздухоплавания. Ущелье, в котором они летели, было узким, извилистым. Нужно было на минимальной высоте, с минимальной скоростью, включив приёмное устройство, пролететь его, прослушав и осмотрев нет ли каких-либо признаков нахождения альпинистов.

Георг летел, на небольшом расстоянии следуя за ведущим. В узком ущелье невозможно было развернуться и полететь назад, поэтому, чтобы не расплыть внимание, задачей каждого было проверить одну из сторон ущелья. Облетев, они разворачивались и снова заходили в ущелье, с каждым разом опускаясь всё ниже. Ничего не обнаружили. Доложили об этом в штаб поисков, оттуда последовал приказ лететь на базу. Аэролёты возвращались один за другим. Поиски результатов не дали.

Просмотрели видеозапись своего полёта. Ведущий ушёл в штаб, а Георг остался ждать дальнейших распоряжений. Он вышел из домика и, расстегнув куртку, с непокрытой головой стоял, озирая бесконечное снежное пространство. По небу плыли тёмно-лиловые облака, усиливался ветер, погода портилась.

Приоткрылась дверь, его позвали:

– Иди, поговори. Только недолго занимай связь.

С экрана видеосвязи напряжённо смотрела Катя:

– Нашли? – спросила с тревогой.

– Нет ещё. Будем искать.

– Возвращайся скорее, я тебя жду!

Из комнаты, где заседал штаб, вышли ведущие. Его ведущий, подзывая, махнул рукой:

– Летим в Чёртово ущелье, давай посмотрим маршрут и видеофильм.

Чёртово ущелье оказалось еще уже и опаснее того, которое они осмотрели: множество выступов, карнизов и поворотов делали пролёт через него невероятно сложным. Несколько раз просмотрели фильм, фиксируя внимание на самых трудных участках.

Аэролет снизился и влетел в Чёртово ущелье, в его полумрак между отвесными стенами и близко подступающими скальными выступами.

– Впереди карниз, – предупредил ведущий, – опускаемся.

Один за другим аэролеты поднырнули под наклонный карниз. Сразу стало темно, включились приборы ночного видения.

– Нависающий выступ! Обходи справа.

– Узкий поворот вправо. Держи дистанцию!

За поворотом ущелье расширилось. Приборы по-прежнему не фиксировали никаких сигналов.

За следующим поворотом открылся широкий, залитый светом выход из ущелья.

– Есть сигнал! – раздался в наушниках крик ведущего.

Это было последнее, что слышал Георг. Мощным порывом встречного потока воздуха маленький аэролёт подхватило и, завертев, ударило о скалу.

– Снижайся! – кричал ведущий, с трудом удерживая управление.

Развернувшись, он увидел, что произошло. Борясь с ветром, начал кружить над обломками аэролёта. Поступали сигналы от датчика-определителя местонахождения. От «живчика» сигналов не было. «Он умер мгновенно», – понял. Порывом шквального ветра со скалы сорвало лавину снега, и она погребла обломки аэролёта. Всё произошло в какие-то мгновения...

* * *

Известие о гибели Георга потрясло Доктора. Он стоял посреди кабинета бледный, оглушённый. А в дверь уже вбегала Катя, услышавшая сигналы вызова видеосвязи. Увидев лицо Доктора, закричала, подняла руки, как бы защищаясь:

– Георг?!

Доктор схватил её за плечи, она вырывалась, продолжала что-то кричать.

Свет померк. Она часами сидела неподвижно, ссутулясь, опустив на колени руки, как неживая. Осталось одно чувство – боль в груди. Иногда возникала уверенность: «Это неправда», и она, как бы очнувшись, удивлённо озиралась. Доктор садился рядом, гладил её ледяные руки. Красивая женщина в чёрном платье плакала, обнимала её. Поняла, что это мать Георга. Ей сказали, что нужно одеваться – они полетят к Георгу. Глянула с безумной надеждой, но, увидев плачущую мать, снова поникла.

Освещённые солнцем, над заснеженными горами цепочкой летели аэролёты с близкими Георга и погибших альпинистов. Первым летел аэролёт с матерью Георга, за ним аэролёт с Катей и Доктором. Большой венок из живых цветов занимал половину пространства аэролёта; не отрываясь, Катя испуганно смотрела на него. Первый аэролёт развернулся и уже набирал высоту, когда послышались сигналы от всё ещё работающего указателя местонахождения.

– Бросай, – махнул рукой Доктор.

Державшая наготове венок, она бросила, и, как безумная, зашлась в крике.

Аэролёт сделал круг, покачал корпусом... Яркими пятнами венки долго лежали на снегу, пока их не замело....

Доктор и старшая мамочка не спускали с Кати глаз, не оставляли её одну. Если Доктору нужно было отлучиться, на ночь с ней оставалась старшая мамочка. По ночам Доктор просыпался, подходил к двери её комнаты, тревожно прислушивался: спит ли. Однажды проснулся, увидел, что дверь комнаты распахнута. Вошёл. Её там не было. В тревоге обошёл весь дом. Несмотря на холод, она в ночной сорочке сидела на ступеньках веранды, раскачивалась и тихо стонала. Сердце дрогнуло от жалости, сел рядом, взял её руку. Она уткнулась ему в плечо; почувствовал как намокает рукав рубашки.

– Надо жить... – гладил по голове.

Зачем учиться, ходить на репетиции, зачем жить – зачем это, если его больше нет? Катя пропускала занятия, целыми днями, как неприкаянная, бродила по домику. Доктор старался разговорить её. Говорил с ней спокойно и ласково, как с больной. Она отвечала невпопад.

Не помог и психолог. «Что-то надо делать, – думал он, – каким-то образом нужно отвлечь. Здесь в школе всё напоминает ей о Георге».

* * *

В Мире Абсолюта места отдыха находились поблизости от мест проживания. Существовали и общемировые курорты для касты Э, но редко кто даже из высокопоставленных лиц мог похвалиться, что отдыхал там. Путёвки на эти курорты использовались как поощрение.

Доктор, никогда ничего не просивший для себя, отправился в департамент образования просить семейную путёвку.

– И с кем вы собираетесь ехать? – кокетливо спросила дама, заведовавшая распределением путёвок. Она давно симпатизировала Доктору.

– С дочерью.

– Сдочерью? – подняла брови; – ах, да, я что-то слышала... – И, многозначительно глядя на него, продолжила: – Есть поощрительная путевка, есть и достойные претенденты на нее, но я отдаю её вам.

– Без Георга? – спросила, когда Доктор сообщил, что они едут на курорт, на море.

Он испугался, что она заупрямится, откажется ехать, но она покорно принялась укладывать чемоданы.

Большой серебристый аэролёт летел над морем. Внизу на всём обозримом пространстве – до самого горизонта, катились зеленовато-синие с белыми гребнями волны. Катя глядела, не отрываясь. Она много читала о море, но разве можно было вообразить такое! Болью в сердце отдавалась мысль, что Георг этого уже не увидит...

Снижаясь, аэролёт сделал круг и плавно, почти бесшумно опустился на огромную площадь, защищённую со всех сторон скалами. Пассажиры цепочкой спустились по трапу и, окружив встретившего их администратора, направились к зданию курортной гостиницы. Солнце светило по-южному жарко, и прилетевшие расстегивали плащи.

Огромный вестибюль гостиницы ошеломил помпезной роскошью: мрамор, золото, дорогой паркет, скульптуры, красивые вазы. Проводили в предназначенный им номер из двух, соединённых просторным балконом комнат уставленных дорогой мебелью с бело-золотисто-голубой шёлковой обивкой, с зеркалами в обрамлении золотых пластин с цветочным узором, с ванной в комнате с зеркальными стенами, с увитым виноградом балконом. Катя прошла по роскошным ворсистым коврам, осматривая всё и трогая руками. Доктор начал было разбирать доставленные чемоданы, но она отняла и, аккуратно расправляя на плечиках, повесила одежду в шкаф. Потом вышла на балкон. Совсем рядом плескалось море. Присела в плетёное кресло. Доктор с удовлетворением наблюдал за ней.

Когда возвращались с позднего лёгкого обеда, накрытого для вновьприбывших, жаркое солнце уже склонялось к морю, стало прохладней. Катя разулась и босиком шла по кромке воды; волны окатывали её ноги по колено.

– Отдыхать, конечно, не будем. Берём купальники – и в море?

Чуть улыбнувшись, кивнула.

Наступили блаженные дни купаний, катаний на лодке, прогулок по побережью среди пальм, цветов, фонтанов. Всё поражало красотой и роскошью. Но главное, конечно же, было море: набегающее волнами, ласкающими белый песок, мерно хлюпающее о гранит набережной, раскачивающее лодки, пенящееся у волнолома. Море тёплое и ласковое.

Доктор лежал на спине, глядя в голубое бездонное небо, слыша, но, не воспринимая сознанием, крики, смех, плеск вёсел, – все эти звуки жили как бы сами по себе. Прибежала и упала рядом на горячий песок Катя, почти не вылезаящая из моря, купающаяся до мурашек по коже. Всматриваясь в её спокойное с закрытыми глазами лицо, подумал о справедливости слов, что «раны душевные только природе дано врачевать».

Чья-то тень накрыла его.

– Ба, знакомые всё лица! – услышал весёлый голос.

Сел, потом вскочил. Они обнялись. Это был его Друг, тот, что когда-то помог ему, даже, можно сказать, спас, когда решался вопрос о маленькой Даше, нынешней Кате.

– Здесь есть пляжи и лучше, – через несколько минут говорил Друг, – вы собирайтесь. А я схожу за лодкой и сейчас поплывём.

Вскоре они в небольшой легкой лодке плыли на один из островов.

– Ты что, здесь – не в первый раз? – спросил Доктор.

– И не в первый, и не во второй.

Доктор посмотрел недоверчиво, но ничего не сказал.

Обогнув два острова, быстро добрались до места – до небольшого не видного с берега островка, спрятавшегося за большими островами. Один берег островка была крутой – там чахлая растительность цеплялась корнями за камни, а на другом – несколько невысоких пальм и великолепный пустынный пляж, длинной белой косой, тянущийся в море. Солнце, песок, и никого кроме стрекоз и ящериц.

– Пойду, проверю, нет ли здесь акул, – слабо улыбнувшись, пошутила Катя.

– Это она? – спросил Друг, глядя, как Катя бежит на край косы.

Доктор кивнул.

– Красивая девушка. Но невесёлая какая-то... Ты что, её в ежовых рукавицах держишь?

Доктор в двух словах рассказал о постигшем Катю горе.

– Постой, постой, так это и есть тот молодой аэролётчик? Слышал о нём... У нас на него имелись виды.

– У кого это – у вас?

– У нашей организации.

– Слушай, а ты ведь знал, что я здесь, – догадался Доктор.

– Знал. Даром что ли нашу организацию зовут всевидящей? Но здесь я не из-за тебя, конечно. Я по службе.

– И много вас здесь таких – по службе? – спросил с ехидцей.

– Не задирайся. Много. Этот курорт, да и все другие, – место службы нашей организации.

А такие как вы – лишь прикрытие.

Доктор смотрел, не понимая.

– Ты замечал аэролёты, летящие в ту сторону? – махнул Друг рукой, – так вот: там курорт Высших, а мы – их слуги, охранники, служба наблюдения, сторожевые псы.

– Неплохо живут слуги, – с сарказмом заметил Доктор.

– Тогда представь себе, как живут господа! Уверен – представить не сможешь. Не хватит воображения.

– А ты бывал там?

– Был пару раз, когда там никого из Высших не было... Они не любят, когда им напоминают, что есть и другие люди, не такие «высшие», – усмехнулся.

Доктору хотелось прояснить вопросы, когда-то так мучившие его.

– Ты не можешь сказать мне, что там произошло? – указал рукой на плавающую в море Катю.

– Откуда мне знать... Мои возможности невелики.

– Но они, родители её, как думаешь, – живы?

– Думаю, что их давно нет в живых.

– А почему именно ко мне привезли её?

– Ну, это тебе лучше знать. Её передавали по цепочке именно к тебе. Кто-то кому-то дал слово. Ты, наверное, тогда пережил тяжёлые дни? Прости, не моя вина. Как только я узнал – сразу вылетел. Её искали, но формально. У тебя слишком много влиятельных выпускников и верных друзей, – улыбнулся.

– Славная девушка выросла – залюбовался Катей, уже вышедшей из моря и по пляжу гоняющейся за ящерицей.

– Вылитая мать...

Друг посмотрел внимательно, хотел о чём-то спросить, но не спросил.

Помолчали.

– Ты здесь поосторожней – кругом глаза и уши. А вообще я так рад тебя видеть, дружище! Вечером вас обоих приглашаю в ресторан. Уверен, ты никогда ещё не был в таком. Да что говорить – сам увидишь.

– Печёт. Пошли купаться.

Катя с улыбкой наблюдала, как двое солидных лысых мужчин, футбола камешек и толкаясь, бегут по сыпучему раскалённому песку.

В последующие дни, вооружившись масками и ластами, они на лодке отправлялись к островам обследовать берега и искать вымытые водой пещеры и ниши. Пещер не обнаружили, но ниш оказалось много всяких – и больших, и маленьких, но глубоких под нависающими карнизами. Кате было очень интересно, а Доктор рассказывал ей, какие огромные пещеры на островах в океане возле Острова Высших.

Они оба загорели до черноты. У Доктора исчез намечающийся животик. А загорелая Катя, вся в капельках воды выходящая из моря, стала похожа на ожившую античную статуэтку. Среди отдыхающих у них появилось много знакомых, поклонников и поклонниц. Дамы, обедающие с ними за одним столом, несмотря на его вежливые отказы, упорно продолжали приглашать Доктора то на голофильм, то играть в рулетку или в карты, то потанцевать. Катя в душе удивлялась: ведь они такие старые – эти дамы, и её отец тоже старый. Она стала открыто звать Доктора отцом, и он уже привыкал к этому.

Вечером сидели на набережной, на скамейке. Шурша галькой, откатывали и набегали волны, с моря дул живительный ветерок, напоённый запахом морских водорослей, с танцевальной веранды доносилась музыка.

– Ты бы пошла потанцевала.

– Я не предательница... – проговорила с обидой, со слезой в голосе.

– Конечно, нет.

А про себя подумал печально: «Не скоро зарубцуется её рана».

– Пойдём-ка смотреть лунную дорожку.

– Нас зовут, – сказала, когда проходили мимо лодочного причала.

Группа людей, собравшихся на лодочном причале, размахивая руками, кричала:

– Едем с нами!

Усаживаясь, лодку сильно раскачали. Со смехом, повизгиванием, наконец, все разместились. Большую шестивёсельную лодку договорились грести по очереди. Первыми за вёсла сели мужчины. Решили плыть, держа курс на мерцающую на воде, уходящую к горизонту лунную дорожку.

Вдали остались огни набережной. Все утомонились, притихли, разговаривать не хотелось, слышались только всплески вёсел, погружаемых в тёмную воду, кажущуюся маслянистой и густой. Сидящий на корме мужчина запел, вначале негромко, а затем в полный голос. Прият-

ный баритон пел о море, о любви, о невозможности счастья. Лунная дорожка светилась, качалась, бежала впереди, а певец, кончив петь одну песню, затягивал другую. Лунный свет, качающее лодку море – вечное, грозное, жутковатое и голос певца – всё это томило, завораживало и хотелось, чтобы длилось бесконечно.

Когда вернулись, никто не хотел расходиться. Решили гулять, не спать до утра. К Доктору подошла Катя.

– Я пойду, а вы оставайтесь, – произнесла тихонько.

Он посмотрел испытующе.

– Всё хорошо, – улыбнулась, уловив его взгляд.

– Вы позволите проводить вас? – спросил молодой человек, весь вечер глядевший на Катю влюблёнными глазами.

– Дойду одна, – даже не взглянула.

Вернувшись в гостиничный номер, она, долго стояла на балконе, глядя на море. Накануне штормило; море бурлило, дыбилося, гигантские волны, пенясь и шипя, перехлестывали через парапет набережной; теперь же оно умиротворенно и ласково похлопывало о берег. Потом легла в постель, но уснуть долго не могла. Впервые она размышляла о том, что жизнь сложна, жестока, несправедлива. Душевная боль стала не такой острой, но всё её существо переполняла бесконечная печаль.

Поздней ночью друзья простились.

– Ну, до встречи.

– Рад был повидаться.

Крепко пожали руки, глянули друг другу в глаза и, повинувшись душевному порыву, обнялись.

Доктор проследил как маленький одноместный аэрлёт, подняв небольшое пыльное завихрение, вертикально поднялся в небо, и в полумраке освещённого только по периметру взлётного поля, мимо, тёмными силуэтами стоящих аэрлётов, берегом моря побрёл в спальный корпус. Спать не хотелось и, когда проходил по пальмовой аллее, заметил стоящее под деревом кресло-качалку и уселся в него.

Дневная жара сменилась ночной прохладой. Покачиваясь в кресле, он глядел в усеянное яркими звездами чёрное небо и думал о том, как хорошо иметь надёжного проверенного друга и, что самая крепкая, самая верная дружба зарождается в юности. Потом вспомнил разговор с Катей прошедшим днём. Она спросила: любил ли он очень сильно.

– Любил. Очень любил...

Продолжала смотреть вопросительно.

– Она любила не сильно и замуж за меня не пошла.

– Это моя мать?

Внутренне вздрогнул, посмотрел внимательно.

– Нет.

Подумал и твёрдо добавил:

– Когда станешь совсем взрослой, я расскажу тебе всё.

Мысль, что когда-нибудь из уважения к их памяти, он раскроет ей кто её родители, приходила ему не раз, но он опасался: не сломит ли её это знание.

Доктор погрузился в воспоминания. Как живые перед его мысленным взором возникали лица Профессора, Марии, Инженера.

Часть вторая

Глава первая

Вопросы к департаменту образования Доктор старался решать по видеосвязи, не любил летать туда – жаль было тратить время на поездки. Но в этот раз сам начальник департамента. Глядя с экрана строго и несколько озадачено, он приказал срочно прибыть. Пояснил:

– Вас, как директора школы, имеющей в секторе самый высокий коэффициент продуктивности обучения, приглашают на семинар, который состоится на Острове Высших.

– На Острове Высших? – не поверил Доктор.

– На Острове Высших! – подтвердил начальник. – Признаться, такое в первый раз за мою службу. Но там, – указал пальцем вверх, – лучше знать. Приезжайте, все обговорим и подготовимся.

Местом проживания Высших был избран, огромный, как небольшой континент, остров, на восемь географических градусов вытянувшийся с севера на юг. Его окружает множество больших и малых островов, а от континента отделяют пролив и море. Большое разнообразие ландшафтов от гористого со скалистыми гребнями и ледниковыми озерами – на севере, до холмистого и равнинного в центре и на юге. Множество рек, заливов, чрезвычайная изрезанность береговой линии. Из-за вытянутости острова с севера на юг и омывающего его теплого течения, разный климат. Все это делает остров привлекательным для создания жизни комфортной, с разнообразным времяпрепровождением.

Из элитных городов разных секторов Мира Абсолюта на семинар съехались пятнадцать директоров школ – все мужчины старше тридцати пяти лет. Им выпал счастливый жребий своими глазами увидеть жизнь, о которой весь Мир Абсолюта почти ничего не знал.

Организовал семинар и руководил им Профессор, молодой человек лет тридцати. Как только он быстрым энергичным шагом взшел на кафедру, не пропустив никого, обвел всех смешливыми карими глазами, представился и сказал:

– А мне представляться не надо, – я вас всех знаю, – и, улыбаясь, стал поименно называть каждого, робеющим оттого, что находятся не где-нибудь, а на Острове Высших, им сразу делалось легко и просто, как будто они находятся в родной среде, а за кафедрой их выпускник, гордость школы.

Профессору задавали много вопросов об организации и цели семинара. Обстановка создалась дружеская, раскованная, и они, как нерадивые студенты, даже расшумелись. Но когда один из них задал вопрос: разрешат ли осмотреть Остров Высших? – все замерли. Они не скрывали радости, когда Профессор ответил:

– Я понимаю ваше желание посмотреть на то, что для вас за семью печатями. Понимаю и ваше нетерпение, и потому на сегодня деловую часть заканчиваю. Экскурсовод и аэролет к вашим услугам. – Профессор весело улыбался, радуясь вместе с ними.

Программой предусматривались ежедневные экскурсии во второй половине дня. Экскурсовод – элегантная очаровательная женщина лет сорока пяти, облик, интонации, жесты которой свидетельствовали о благородстве, воспитанности, чувстве вкуса, а знания и эрудиция – об уровне образованности, была научным специалистом с ученой степенью, а не обычным экскурсоводом.

– Стать на время вашим гидом меня уговорил ваш руководитель, а мой бывший любимый студент, – улыбнулась тепло.

Тогда они принялись расспрашивать о Профессоре, так сразу полюбившемся им. Она ответила, что, несмотря на молодые годы, это крупный специалист, имеющий высокую ученую степень и даже Ученый Консультант Совета Высших.

– У этого милого молодого человека – великое будущее.

Первая экскурсия была в центр, в точку на земле, вокруг которой строилась вся жизнь Мира Абсолюта, к символу Мира Абсолюта – к Храму с горящей над ним Звездой. Попасть туда ни один житель каст Э и М не смел и мечтать, а на них вдруг свалилось такое счастье! И они жадно, с нетерпеливым интересом всматривались в окружающее.

Звезду Абсолюта они воочию увидели, когда подлетали к проливу, отделяющему Остров от материка. Доктор летел утром. В небе сияло два светила: на востоке поднималось природное, а на западе, прямо по курсу, вначале появилась светящаяся точка, которая быстро увеличивалась, и наконец, когда аэролет перелетел пролив, превратилась в огромный светящийся шар с лучами, расходящимися в виде шестиконечной звезды.

В плане Храм Абсолюта представлял собой шестиконечную звезду, а окружающая его лестница со скульптурами служила ей как бы огромной рамой. От всех шести сторон лестницы, под небольшим углом уходя вниз, простирались партеры парков с цветниками сложной композиции и множеством фонтанов и скульптур. Вдали – там, где заканчивались аллеи фонтанов и ковры цветников, возвышались шесть триумфальных арок, олицетворяющих покорение шести земных континентов. От каждой из арок до Храма нужно было пройти тысячу ступеней – символ тысячелетия Мира Абсолюта. Сто из них составляла мраморная лестница, окружающая Храм и повторяющая его форму, а девятьсот, едва заметных, символических, приходились на парк с цветниками, фонтанами и скульптурами.

Аэролет приземлился на площадку, укрытую среди парковой зелени. Дошли до триумфальной арки «Африка» и перед ними открылся Храм Абсолюта. Он как бы парил над окружающим его бесконечным нежно-белым, девственно прекрасным кружевом из водных струй и облачков мелких капель, в свете Звезды сверкающих, подобно бриллиантам.

Струи фонтанов – каскадных, террасных, скульптурных – вытекали, били вверх, переплетаясь, создавали замысловатые рисунки и символические фигуры; фонтаны-шутки обрызгивали зазевавшегося зрителя; поющие фонтаны издавали меняющиеся музыкальные звуки. Коврами со сложнейшими рисунками расстилались цветники.

Подниматься под небольшим углом среди благоухания цветов и освежающей прохлады фонтанов было легко и приятно. Чем ближе подходили, тем мощнее, монументальнее, поражая размерами, вырастал перед ними Храм Абсолюта. На мраморной лестнице в сто ступеней, как стражи, стояли скульптуры африканских животных: львы, тигры, газели, носороги, бегемоты, жирафы, гепарды.

Рядом с их группой остановилась экскурсия школьников. Отвлекаясь от объяснения гидом работы музыкальных фонтанов, Доктор прислушался, о чем говорит экскурсовод школьников:

– Чтобы добиться такого обзора, было снесено несколько холмов, а холм, избранный для возведения Храма Абсолюта, был нарашен дополнительно...

Доктору не хотелось знать, как все сделано, хотелось любоваться и предаваться иллюзии, что эта красота существовала всегда и будет существовать вечно. Он перестал слушать, но через некоторое время что-то в словах экскурсовода опять привлекло его внимание:

– В течение долгого времени после постройки Храма, Звезда над ним не горела. Люди уже отчаялись ждать подтверждения свыше, что их земные дела угодны Абсолюту. Но вот летней ночью, в предрассветный час, свет ослепительно яркий, исходящий из звездных глубин, осветил все небо, все пределы земли, а затем сконцентрировался в луч, направленный на Храм Абсолюта и зажег Звезду. С этого утра началось летоисчисление эпохи Абсолюта. Прошло много лет, но Звезда не меркнет и не отклонилась ни на одну сотую градуса от шпиля купола Храма. Также постоянно и расстояние от конца шпиля до центра Звезды. Ни штормовые ветры, ни бури не способны разъединить Храм Абсолюта с его Звездой.

Внутренне усмехнувшись, Доктор подумал, что интересно было бы узнать механизм свечения Звезды, и каким образом она удерживается над Храмом.

Миф о сверхъестественном свечении Звезды он слышал с детства и с годами перестал верить в него, но не ожидал, что его повторяют и в касте Высших, мало того, оказалось, что в этом слое многие верят, что лучи Звезды приносят удачу и счастье.

На другой день продолжили осмотр. Через Австралийскую триумфальную арку вошли в полого поднимающийся к Храму парк фонтанов, цветов и скульптур. В этот раз, не задерживаясь возле каждого фонтана, прошли партер, и поднялись по мраморной лестнице со скульптурами австралийских животных. Обошли вокруг и осмотрели Храм снаружи: стены белого мрамора, стрельчатые окна с витражами, обернутые листовым золотом с резным рисунком сдвоенные ионические колонны; аркотерии – золотые аллегорические скульптуры над углами.

В Храме было шесть Главных залов, символизирующих шесть земных континентов вошедших в Мир Абсолюта, и названных соответственно: «Европа», «Африка», «Австралия», «Северная Америка», «Южная Америка», «Антарктида». Кроме названий континентов, залы имели вторые названия по цвету мрамора, которым были облицованы – Красный, Зеленый, Белый, Коричневый, Розовый, Узорный. В каждом зале – по стенам висели флаги тех государств, которые до создания Мира Абсолюта находились на соответствующем континенте, на полу наборного паркета – изображения гербов этих государств. Над апсидами – входами в залы – мерцали выложенные из смальты знаки «дельта луминозо» – в треугольнике глаз с лучами; на мраморном полу апсид – кресты, полумесяцы со звездами и другие символы религий, распространенных на данном континенте в эпоху Заблуждений.

Все шесть залов объединял расположенный под барабаном Храма купольный Зал Славы – большой округлый зал во всю высоту здания. Подвешенный под барабаном большого размера хрустальный граненый полированный шар свет от Звезды, пересекающими зал лучами, направлял на стоящие на постаментах колоссальных размеров золотые скульптуры руководителей Мира Абсолюта со времени его основания.

В залах второго этажа хранились драгоценные экспонаты – собранные со всего мира изделия из драгоценных камней. Искусно освещенные сложной системой освещения от Звезды, они сияли, сверкали, мерцали, блестели, переливались всеми цветами. Каждым из них можно было любоваться часами. Не в силах оторваться, обходя вокруг него, они долго восхищались тонкой работы деревцем с сердоликовыми ветками, и колеблющимися от движения воздуха малахитовыми листьями, с цветами из рубинов и гранатов; и скульптурками из нефрита, яшмы, терракоты, украшенными драгоценными камнями.

Отдельный зал занимали собранные со всего мира царские короны, диадемы, ожерелья и другие украшения из драгоценных камней. Даже в росписи потолочных плафонов этого зала сверкали драгоценные камни.

Под Храмом в глубине холма, на котором он стоял, находилась сокрытая от постороннего глаза тайная его часть, – Церковь Асмодея. В ней было несколько залов. Главный из них – зал Тиранов: в полумраке длинного и высокого подземного зала на постаментах, освещаемые через

отверстия между ступеней лестницы окружающей Храм, стояли скульптурные фигуры тиранов и изуверов всех времён и народов. Среди них почётное центральное место занимала фигура Каина. У подножья каждой фигуры находился небольшой алтарь-капище, на котором в день почитания данного тирана, согласно тайному календарю, приносилась кровавая жертва в виде заклания чёрного петуха, а возле других капищ возжигались факелы. В центре зала стояло капище общего жертвоприношения в День Принятия Концепции Нового Мирового Порядка. В этот день на главном жертвеннике, при свете четырёх факелов по его углам, молодого быка чёрного окраса закалывали по жестокому ритуалу продолжительной и мучительной смерти, долго источая из него кровь.

В другом зале, в центре изображенного на полу большого магического круга, стояла скульптурная фигура официально признанного Главного Мага и Прорицателя Нострадамуса, держащего в одной руке большой стеклянный магический шар, в другой – перевернутую золотую пентаграмму. На столах вдоль стен стояли чаши, лежали мечи и проломленные черепа людей и животных. Здесь жрецы предавались колдовской магии, служили чёрные мессы и совершали таинственные обряды.

В зале-хранилище предметов тайных знаний, на стеллажах, полках и в витринах, были аккуратно разложены ритуальные магические кинжалы атаме, чаши мистического озарения грааля, древние алхимические сосуды атонон, древние карты тарот, масонские молотки, амулеты, шаманские бубны, гностические символы и множество других колдовских магических приспособлений. По стенам развешаны отвратительные кроулианские иконы, вышитые сефироты, оккультные знаки, мозаичные гексаграммы, алхимические фигуры, свастики, скрещенные циркули и наугольники, индоарийские эмблемы, египетские изображения священного ибиса и старинные гобелены с изображениями каббалистической символики и астрологических аллегорий Солнца, Луны и планет, а также аллегорий масонских добродетелей – Силы, Мудрости, Красоты. На отдельных полках бережно хранились чёрные книги гремуары: «Ключ Соломона», книги заклинаний, книги вавилонских заговоров, чудом уцелевшие и не попавшие в костёр книги катаров, магические книги папы Гонория, арабские книги по алхимии, скипетры халдейской числовой мистики.

Ещё в одном зале были собраны орудия пыток с наглядной демонстрацией применения этих орудий в виде пытаемых человеческих муляжей.

Уже наступил вечер, когда, следуя за гидом, вышли из Храма, подошли к спуску лестницы и застыли в немом восторге. То, что при дневном свете казалось нежным и романтическим, превратилось в волшебство, фантастику, феерию. Подсвеченные разноцветным светом снизу и освещенные Звездой сверху, струи воды свивались, переплетались, прихотливо закручивались жгутами, били высоко в небо, в воздухе возникали, исчезали и появлялись другие призрачные, кроваво-красные и черные просвечивающие фигуры животных, антропоморфных существ и фантастических монстров. А на большой высоте сияли шестиконечные звёзды из водных струй.

Экскурсанты смешались с многочисленной публикой

* * *

Поселили участников семинара в старинном, основанном еще в средневековье, университетском городке, и они были счастливы вновь окунуться в, уже полузабытую, как игристое вино, будоражащую веселую обстановку студенчества. Однако, постепенно у них начало складываться мнение, что молодежь здесь не придает никакого значения учебе, а озабочена лишь тем, как веселей и разнообразней провести время. И, похоже, здесь все, включая преподавателей, считают это нормальным. Студенты много времени уделяли спорту, прогулкам, пикни-

кам, самодеятельности. Во время лекций аудитории пустовали. Студенты посещали занятия по настроению, а среди них, большинство были старше студенческого возраста. Этот вопрос очень занимал семинаристов, и как-то они об этом спросили у Профессора. В ответ услышали:

– Знания ценятся высоко во всех кастах Мира Абсолюта, но цели приобретения знаний в них различны. В касте Масс знания служат целям материальным и сводятся к овладению полезными навыками. В элитной касте знания – путь к творчеству, к удовлетворению внутренней потребности в нем, к успеху, к карьере. Совсем иные стимулы к приобретению знаний в Высшем слое; здесь жизненный идеал – наслаждение, безмятежное и радостное состояние духа без тревог и лишних усилий, а знания, в первую очередь, ценятся как то, что делает наслаждение жизнью более утонченным, многогранным. Но это человек начинает понимать и ценить с возрастом, поэтому большинство слушателей уже вышли из студенческого возраста. Впрочем, у нас студенческий возраст не ограничен, можно быть студентом и сорока и пятидесяти лет. Это, в большинстве, добросовестные студенты. Правда, многие из них посещают лекции из тщеславия или честолюбивых карьерных побуждений. Ну, и от безделья... У нас важно не быть, а слыть образованным. Молодежь же торопится наслаждаться жизнью и упускает лучшее для обучения время. В нашей касте студенчество – это образ жизни, а не время накопления знаний.

Участников семинара пригласили осмотреть местную школу. Здесь было не обычное преподавание, когда учитель объясняет урок, дает задание и проверяет его выполнение; детей здесь собирали в классы только для проверки знаний, а каждого ребенка дома обучал, добиваясь больших успехов, персональный высококвалифицированный робот-учитель и психолог. Обучение в виде игр начиналось с трех-пяти лет и строилось на основе природной детской любознательности и врожденных способностей. Во время каждого занятия учитывался душевный настрой ребенка на данный момент; не допускалось никакого принуждения и в результате обучение воспринималось как развлечение, а не как труд.

Большое впечатление произвело посещение урока у восьмилеток. На вопросы, опережающие программу обучения этой же возрастной группы в касте Э, показывая глубокие знания, дети отвечали грамотно, толково; дружно тянули вверх руки, желая дополнить ответ товарищей, вызванных к доске. Но урок с четырнадцатилетними разочаровал: ребята уже не были столь активны, да и ответы их были слабыми. Достигнув подросткового возраста с его новыми жизненными интересами, тягой к развлечениям и общению между собой, не приученные делать над собой усилие, они уже воспринимали учебу как тяжелую обузу и только наиболее способные и честолюбивые продолжали учиться хорошо. С пятнадцати лет подростков в школе обучали, в основном, только танцам, пению, рисованию, умению одеваться и этикету; они много занимались спортом, постоянно ходили на экскурсии по музеям и в дальние походы, и лишь два дня в десятидневку их собирали в классах для ответов на заданные на дом темы.

За триумфальными арками начинался Город Музеев. Он тянулся на много километров и занимал колоссальную площадь. Со всех континентов сюда были перенесены грандиозные сооружения, шедевры мирового зодчества. Дворцы и соборы со всего мира стояли на открытых площадях и среди парковой зелени; здесь парил в небе красно-коричневый купол собора Санта Мария дель Фьоре из Флоренции, великолепной мозаикой из золота и зеленой смальты сияла мечеть Джами аль Омади из Дамаска; на холмах возвышались огромные буддийские колоколообразные ступы. Если сооружение перенести не представлялось возможным, его воссоздавали в копии, сняв с оригинала отделку: лепнину, росписи, скульптуры, витражи, а стены оригинала оставляли постепенно разрушаться. Или же превращали в мёртвые города-музеи, с разрешением посещать их людям элитной касты. Люди же массовой касты о существовании чего-то подобного даже не подозревали.

Улицами, один за другим, тянулись здания музеев собраний шедевров мирового искусства: белые, желтовато-коричневые, зеленовато-серые, розово-палевые – неяркая тонкая цветовая гамма мраморной облицовки. Чтобы осмотреть в них всё, не хватило бы и жизни, но посетителей в них почти не было – один-два, а то и ни одного.

На Острове не было ни пашен, ни огородов, ни пастбищ. Круглый год изумрудно-зеленые сочные луга служили местами для пикников и игры в гольф, а населенные дикими зверями густые леса на пологих холмах, являлись обширными охотничьими угодьями.

С юга, севера, востока и запада Остров окружало множество больших и малых островов. Самый большой из них занимал «Эл-Мо» – электронный Мозг, управляющий всеми отраслями: промышленностью, строительством, энергетикой, культурой, образованием и т. д. и содержащий досье на каждого жителя Мира Абсолюта.

* * *

Темой семинара было: «Воспитание творческой личности». Немного волнуясь перед столь серьезной аудиторией, в своем докладе Доктор говорил о взаимосвязи между творчеством и нравственностью:

... – Ум ребенка в постоянном поиске ответов на множество вопросов, в постоянном движении среди душевного хаоса, стихийности эмоций. Ребенок стремится все постичь и упорядочить хаос, т.е. с малых лет он живет как творческая личность. Творчество для него естественно, как дыхание. Задача учителей и воспитателей развить природные творческие задатки, ни в коем случае не убить их неумелыми действиями. Излишняя упорядоченность жизни тормозит творческое развитие, поэтому не нужно настаивать, если ребенок хочет побыть один, заняться тем, чем он хочет, побездельничать, наконец. Лишь бы это не переходило в ленивую расслабленность. То, что взрослые принимают за лень, зачастую, является естественной потребностью самоуглубиться, сосредоточиться, обобщить, додумать новые знания. Это происходит как бы помимо воли ребенка.

Истинно творческая личность не расчетлива, ведь творчество для неё – естественное побуждение и важнее карьеры и тщеславия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.